

МОСКВА Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №7 (14), июль 2012 г. <http://provintelligent.ru>, <http://moscow.provintelligent.ru>

Газета выходит ежемесячно. Контакты для участия и сотрудничества: dzina2011@mail.ru, provint.paschkov@yandex.ru

Новые презентации изданий – медийного проекта «Интеллигент».

БОЛГАРИЯ. СВЯЩЕННЫЕ ДАТЫ

С целью детального изучения и дальнейшего верного освещения исторических фактов событий русско-турецкой войны 1876-78 гг. в Болгарию с 18 июля по 1 августа 2012 года с официальным визитом была приглашена писатель Светлана Васильевна Савицкая, Генеральный куратор проекта «Национальная литературная премия Золотое Перо Руси», заместитель Председателя ВОО «Трудовая доблесть России» по международным проектам.

Инициатором поездки явилось руководство Славянского культурно-информационного центра «Евразия-Болгария» г. Стара Загора и лично Любомир Вълков. Официальными информационными спонсорами событий стали газеты «Интеллигент» (Москва, Санкт-Петербург, Австралия, Америка), «Запад-Восток» (Монреаль, Канада), «Трудовая доблесть России» (Москва), вестник «Национальная Бизнес-Поща» (Стара Загора, Болгария), «Старозагорские новости» (Стара Загора, Болгария), Форум «Болгария-Россия» (София, Болгария) и сайт www.pero-rusi.ru.

В предварительных ознакомительных видео и фотодокументах была представлена колоссальная военнопатриотическая работа, бережно изучающая и сохраняющая патриотами Болгарии славянское наследие. К памятной дате начала освободительных боев русской армии под г. Стара Загора готовился к реконструкции памятник подполковнику П.П. Калитину. ВОО «Трудовая доблесть России», Национальная литературная премия «Золотое Перо Руси», МПК «Ляпко» и лично писатель Светлана Савицкая вошли в число спонсоров, выделивших средства для реализации проекта.

Любомир Вълков в течение 7 лет вел изыскательную работу по восстановлению имен погибших в сражениях. Это было сложно. Ведь во времена событий русско-турецкой войны имена низших чинов (солдат) не указывались. Изучая архивы и другие свидетельства (захоронения с мраморными плитами и др.) ему

все-таки удалось восстановить часть информации. Таким образом, планировалось изготовить более 10 монументальных мраморных плит под основным памятником подполковнику П.П. Калитину и нанести имена более 500 забытых солдат - погибших русских воинов и имена воинов, входивших в народное болгарское ополчение.

Средства для поездки любезно предоставила организация МПК «Ляпко».

Два месяца перед поездкой велась срочная работа в Болгарии и Москве. Ведь памятник планировалось обновить к 31 июля.

Первые встречи со Светланой Савицкой прошли в Софии 18 июля. С целью взаимного обогащения культур Болгария-Россия болгарская сторона предоставила все запрашиваемые материалы архивов, музеев, памятников, кладбищ русских белогвардейцев и другую информацию.

Светлана Савицкая в 30 городах и населенных пунктах познакомила болгарскую сторону с работой наших русских проектов и информационных спонсоров, таких, как газеты «Интеллигент», «Трудовая доблесть России» и сайт Золотое Перо Руси. В городах и некоторых медицинских центрах были представлены лечебные аппликаторы МПК «Ляпко».

В Софии прошла плодотворная встреча в Русском Центре науки и культуры, в офисе форума «Болгария-Россия» с председателем Светланой Шаренковой, переданы в дар книги писателя и другие подарки. Светлана Савицкая дала интервью для болгарских СМИ. Прошло посещение военных и краеведческих музеев Софии и храмов, кладбищ и предприятия по изготовлению мраморных плит.

В г. Стара Загора прошла официальная встреча с администрацией, в частности с Кметом (Мэром города) Живко Тодоровым, Председателем Общинского совета (совета депутатов) Емилом Христовым, другими официальными лицами, поэтами, писателями, интеллигенцией, учеными и исследователями. Светлана Савицкая приняла участие в памятном священном ночном шествии в день тотального уничтожения всех жителей Старой Загоры войском Сулеймана паши (Соломона Авиш Леви) 19 июля от администрации до костницы и церкви, где 135 лет назад турки отрубили головы более 2500 жителям, нашедшим убежище в православном храме, и бросили в питьевые колодцы. Всего в городе в те дни было загублено более 25 тысяч душ.

Подполковник П.П. Калитин командовал знаменной Дружиной. И был убит турками при освобождении г. Стара Загора. Численность турков превышала русских в 10 раз...

Кроме Старой Загоры встречи были организованы в г. Казанлык с директором Национального музейного комплекса «Шипка-Бузладжа-Казанлык» Данчо Даневым, с Трифоном Митевым, Председателем фонда «Пламя». Прошел тур по всем историческим городам побережья Болгарии от Балчика до Несебра. Светлана Савицкая посетила холодные пещеры Бачо Киро и Мадары, и забираясь на жаркие горы Шипки, Плиски, Шумена, Велико Тырново посещала города и деревни этнических местных культур, такие, как Боженцы, Етар, Ловеч, Габрово, долина роз и др. Ознакомилась с золотой коллек-

цией Панагюрище в Варне и поднялась по ступеням к знаменитому памятнику Алеше в Пловдиве, прошла по золотым пескам Болгарии. Посетила музеи фракийской культуры, греческой, римской, болгарской, турецкой, византийской, и, естественно, болгарской, всего - более 30 городов и населенных пунктов Болгарии.

31 июля снова прошли акции памяти в Старой Загоре. Плитки были установлены в срок. Памятник подполковнику П.П. Калитину обновлен. Освещен священниками. Свечи зажжены. Венки возложены. Забытые души обрели покой. Самым потрясающим событием и откровением явилось то, что весь город от мала до велика, от простых жителей до администрации в минуту молчания памяти о погибших русских, отдавших жизни за Болгарию, опускается на колени.

Работа болгарской стороны была отмечена общественными организациями России.

Почетными знаками «Трудовая доблесть России» были награждены посол Болгарии в Москве Бойко Коцев, первый секретарь посольства Василка Кехайова, посол доброй воли Бисер Киров и в Болгарии Любомир Вълков.

Благодарности от Национальной литературной премии «Золотое Перо Руси» «за сохранение славянских культурных традиций» получили:

1. Живко Тодоров, мэр /кмет/ община Стара Загора.
2. Трифон Митев, председатель фонда «Пламя» /пламък/.
3. Данчо Данев, директор Национального парка-музея «Шипка-Бузладжа», г. Казанлык.
4. Светлана Шаренкова, председатель форума «България - Русия» - г. София.
5. Петър Драгиев, главный редактор вестника «Национална Бизнес Поща».
6. Дамьян Георгиев, адвокат. Г. Стара Загора.
7. Румен Райков, управитель ВИК, г. Стара Загора.
8. Христо Михалев, управитель «Лесов Инвест ООД», г. Стара Загора
9. Иво Соколов, управитель «Боянска Роза», г. София.
10. Баженов Виктор Васильевич, директор РЦ НК в Болгарии. Г. София.
11. Любомир Вълков, организатор восстановления памятников русским воинам, погибшим при освободительных войнах в Болгарии.

12. Саика Вътева и Даниела Петкова «Студио Сити» г. Стара Загора

Медали и дипломы от ВОО «Трудовая доблесть России» были вручены:

1. Баженову Виктору Васильевичу, директору РЦ НК в Болгарии.

2. Данчо Даневу, директору парка-музея «Шипка-Бузладжа» г. Казанлык.

3. Живко Тодорову - мэру /кмету/ Общины г. Стара Загора.

4. Трифону Митеву председателю фондации «Пламя» /пламък/.

5. Светлане Шаренковой - председателю форума «България - Русия» г. София.

В ходе встреч и переговоров были намечены дальнейшие пути сотрудничества между общественными организациями двух стран. Так в Болгарии был организован недельный тур по памятным местам русских побед для десяти детей из города Холм, места рождения героя войны Калитина. Так после праздничных событий в Болгарии в Россию вылетела группа болгарских ребятишек для ознакомления с городами Москва, Санкт-Петербург, Великий Новгород и, соответственно Холм.

Светлана Савицкая была официально приглашена руководством города Старая Загора на презентацию своего нового романа «Балканы» в будущем году.

Почетными памятными подарками и Грамотами от Кмета (мэра) г. Стара Загора Живко Тодорова и выгравированными надписями:

«За горячее содействие и материальную помощь в святом деле восстановления имен 512 погибших солдат и офицеров времен Русско-Турецкой войны в Болгарии 1877-78 г. под Старой Загорой 19 июля 1877г., и помощи в обновлении памятника подполковнику П.П. Калитину. Благодарная Стара Загора! Благодарная Болгария!» были награждены врач высшей категории, изобретатель аппликаторов, директор МПК «Ляпко» Н.Г. Ляпко, Герой соцтруда, председатель ВОО «Трудовая доблесть России» А.Г. Лёвин, учредитель НЛП Золотое Перо Руси А.Н. Бухаров, депутат ГД ФС РФ Д.В. Саблин, директор Содружества литературных сообществ И.М. Майзельс, писатель С.В. Савицкая.

Пресс-центр Золотое Перо Руси

Ирония — единственный инструмент, который помогает сегодня «выжить»

ИНТЕРВЬЮ
с Руководителем Московского салона
литераторов
ОЛЬГОЙ ГРУШЕВСКОЙ
(Стефания Солис)

Прозаик, переводчик. Родилась и живет в Москве. Окончила МГПУ им. В. И. Ленина, английский факультет; МосГУ, факультет психологии.

В 2006 году вышел первый сборник рассказов и повестей «Лента Мёбиуса». Печатались в журналах «Разумный мир» (Москва), «Цолкер» (Ереван), в альманахах «Не случайные встречи» (М., 2010), «Секрет» (Израиль, 2010), в сборниках современной московской прозы «Время московское» (2007), «Московский Дом», в журнале «Московский BAZAR». В 2008-2011 гг. возглавляла Редакционную и Судейскую Коллегии МСП «Новый Современник». Руководитель проекта «Моссалит».

Беседу ведет Ирина Чицова, член Моссалита, редактор журнала «Московский BAZAR».

И.Ч.: Ольга, о себе всегда говорить очень сложно. Для себя любимого все кажется важным. Не понятно, что считать точкой отсчета — с чего начать? С рождения физического или духовного?

О.Г.: Перебираю в памяти карточки-файлики с событиями, которые сыграли в моей жизни важную роль, и понимаю, что события событиями, но ведь что-то уже было в тебе самом, если ты выбрал именно тот путь, принял именно то решение... Сейчас, анализируя то или иное событие или свои поступки, вижу, как постепенно меняются мои взаимоотношения с жизнью, как постепенно «фильтруется» все происходящее рядом, разделяясь на главное и второстепенное. Некоторые называют это мудростью, опытом. Теперь я отношусь и к себе, и к жизни с большой иронией, хотя и остаюсь в душе по-прежнему неисправимым романтиком.

И.Ч.: И все-таки, как все начиналось?

- Родилась я в Москве, в типичной семье физиков-лириков 60-х годов: папа — ученый-математик, мама — на международной работе. Окончила школу в районе метро «Аэропорт», затем английский факультет МГПУ им. В. И. Ленина — волшебные годы студенческого братства, неосознанного счастья от собственной молодости. Друзья, экзамены, капуста, первая любовь... После института меня, как и всех, направили по распределению в школу — преподавателем иностранных языков (ввиду нехватки кадров нагрузили тогда сразу и английским, и немецким). Но, проработав год, я уехала в Африку.

На самом деле, уехала я не одна, а с мужем, которого направили работать в Мозамбик по контракту. Мужчин в со-

ветские времена отправляли за границу только с женами, а молодых мужчин — тем более, поэтому, как член семьи и верная жена, я уехала с ним.

Оказавшись на другом конце света, я вскоре и сама начала работать — в корпункте газеты «Известия», который отвечал за весь южный регион Африки, а это 12 стран. Корреспонденту «Известий» срочно требовался помощник и переводчик, и я предложила свои услуги — молодая, активная, трудолюбивая и совершенно не требовательная — главное, хоть чем-то занимать полезным.

Именно в Африке я и приобрела свой первый жизненный опыт. В Мозамбике тогда шла гражданская война — при «поддержке демократических сил» местное население выгнало «злых» португальцев-колонизаторов, оставшись полностью у разбитого корыта. Что делать дальше, а точнее, как вести хозяйство да управлять страной толком никто не знал, а потому в стране царили ужасающие бедность и разруха. В ротондах и виллах, брошенных португальцами, из паркетных досок и мебели жгли костры, варили еду, подбедая последние запасы, оставшиеся от колонизаторов, и лелея надежду, что кто-то еще их накормит, например, страны СЭВ. Приходила в полный упадок некогда необыкновенной природной красоты и колониальной архитектуры столица Мапуту, расположенная на океане, а посему бывшая некогда известным африканским курортом. По ночам раздавались автоматные очереди, что-то отчаянно кричали по-португальски, иногда после выстрелов визжали собаки. В городе иногда совершались диверсии — взрывали важные объекты, например аэропорт, железнодорожные линии — это делили власть два родных брата, оба претендующих на президентство в молодой Республике. Тот, который претендовал сильнее и имел большую от нас (бывшего Союза и стран СЭВ) поддержку, естественно, в результате и оказался у руля — Самора Машел, бывший студент московского Университета Дружбы Народов им. П.Л.

И.Ч.: Вы так подробно рассказываете о своей африканской жизни. Надо ли понимать так, что этот период оказал очень сильное влияние на всю вашу дальнейшую жизнь?

О.Г.: Я чувствовала себя щенком, брошенным в воду: жизнь на меня — тогда молодую, зеленую и все принимающую за чистую монету (домашняя была девочка с косичками и пятерками в дневнике) — обрушилась всей своей сокрушительной мощью, да по всем фронтам: куча работы по 10-12 часов в день (все, что связано с деятельностью корпункта в «горячей» точке — переводы устные, письменные, срочная подготовка материалов и т.д.); множество новых незнакомых и непонятных людей — новые отношения, новая культура, «подводные камни» проживания и общения в советской «колонии», придворные интриги тамошних советских структур, обратная сторона международного интернационализма и пр., а кроме того, домашнее хозяйство, познание «премудростей» семейной жизни вдали от мамы с папой и друзей — посоветоваться-то было не с кем... В общем, вернулась в Москву я уже другой.

И.Ч.: И что же дальше?

О.Г.: Дальше началась обычная московская жизнь — работа, семья, рождение сына, перестройка и все связанные с ней сложности, короче, — все, как у всех. В какой-то момент сказилось мое увлечение психологией — окончила Московский Гуманитарный университет по психологии управления, там как раз преподава-

лись тогда новые для нас дисциплины с красивыми названиями: «мотивация персонала», «рекрутмент» и «моделирование управленческой деятельности», «методы самооценки». Все это, конечно, помогло в моей будущей административной работе.

И.Ч.: Я знаю, что вашей бабушкой является Зиновия Маркина — наша первая женщина-драматург. О ней вы написали свою статью «В память об Атлантах». Расскажите подробнее о семье и об атмосфере, в которой вы росли.

О.Г.: Я росла в большой и шумной семье моих бабушек и дедушек — кинематографистов, сценаристов — первый и второй выпуск ВГИКа. Дом был вечно полон каких-то забавных людей — так было заведено: бабушка, в тот период известный сценарист, принимала у себя всех и всем помогала. За свою жизнь она совершила множество добрых дел, об одном из которых я даже написала роман под названием «Дракон». В нашей семье всегда царила атмосфера творчества.

Это ощущалось и в московской квартире на улице Щукина, затем в квартире на «Аэропорте», на даче во Внукове, где добрыми соседями бабушки были и Любовь Орлова с Александровым, и Игорь Ильинский, и Леонид Утесов, и Юрий Милютин. Дух творчества присутствовал в бесконечных ночных спорах за чаем с яблочным пирогом, в разбросанных по дому отпечатанных на машинке страницах из рабочих сценариев, в непонятных мне тогда словах «кинопробы», «редактура», «соавтор», «позовни МарИсак... на худой конец — Маргоше...» и т.д. Мне многое тогда было не понятно: например, почему кто-то жил у бабушки неделями, с чемоданами, в ожидании какого-то разрешения или паспорта... Лет в 10 я осознала, что вместе с бабушкой слушаю «Голос Америки», а еще позже «Радио Свобода».

В общем, весь этот жизненный круговорот, эта жизненная энергия не прошли бесследно — мой дом и сегодня полон друзей, а мы в семье храним не только пожелтевшие фотографии в семейных альбомах, но и чтим традиции. Семейные истории кочуют у нас из поколения в поколение, яблочные пироги пекутся по старому рецепту (если, конечно, есть пауза в этой суетной жизни), в рамочке на стене висит адресованное бабушке письмо Джона Стейнбека (о вручении Нобелевской премии), а на домашние капустники мы достаём сохранившиеся до сих пор старые шляпы и перчатки, — дух живет, а значит, и корни живы.

Ведь очень страшно, если великое поколение столпов русской культуры, рожденных в начале прошлого века, впитавших лучшие ее традиции, и, таким образом, сумевших привнести и сохранить в культуру молодой советской эпохи «чеховские» ценности, — это поколение сотрется из памяти современного человека, как некогда исчезли-вымерли динозавры. Навсегда.

И.Ч.: Когда же вы начали писать?

О.Г.: В 10 лет я начала что-то тыкать пальчиком на бабушкиной печатной машинке. Это были маленькие зарисовки-диалоги, у которых никогда не было конца. Достойный конец мне никогда не удавался — ни в жизни, ни в повестях, все больше у меня все умирали как у господина Уильяма Шекспира в «Гамлете»: «Похоронный марш. Все уходят, унося тела, после чего раздается пушечный залп». Видимо, торжественный трагизм есть некая черта романтичности, которой я долго страдала, как все нормальные девочки-подростки, и не исключено, что страдаю по сей день. Что-то достойное внимания я начала писать только лет в 18 — писала, складывала в ящик, писала, снова складывала. Писала естественно что-то о роковой любви и переживаниях, а иногда и сочиняла сюжеты в стиле Айрис Мердок, под влиянием которой тогда находилась. Потом моя любовь к Мердок прошла, а ящик заполнился моими «нетленками» так, что уже не закрывался — я остановилась.

И.Ч.: Долгой ли была эта пауза?

О.Г.: Я вернулась к «писательству» лишь в 2000 году — так сложились события моей жизни: необходимо было выплеснуть на бумагу все, что накопилось в душе — выплеснуть одним махом, чтобы не умереть. Так появилась «Лента Мёбиуса», а за ней уже и многое другое — я опять открыла старый ящик стола, что-то перечитала — посмеялась, где-то с укором покачала головой, где-то с умилением поплакала, а добравшись до какого-то собственного любовного излияния, так и не смогла вспомнить, по ком лила девичьи слезы. Все собрав, я с удовольствием взялась за работу: многое переработала, отредактировала, положила в основу новых рассказов. А потом так разогналась, что до сих пор не могу остановиться — много новых идей, замыслов.

И.Ч.: Есть ли у вас другие увлечения, кроме писательства?

О.Г.: Кроме работы и писательства, у меня еще есть множество моих больших и маленьких дел — мир велик и так хочется все успеть. Когда я вышла замуж и укатила в Африку, то вернулась оттуда не только с упомянутым выше жизненным опытом, но и с множеством собственных набросков и картин маслом (громкое слово!), благо два года художественной школы при театральном училище не прошли даром. На моих «картинках» доминировали крупнозатые фактурные чернокожие женщины с поклажей на голове в окружении грязных босоногих ребятишек — это был мой любимый сюжет. Думаю, психотерапевт усмотрел бы в этом целый набор детских комплексов. Еще мне нравилось ухватить какую-нибудь «усталую» позу старика, присевшего на перевернутую лодку на берегу океана, или запечатлеть двух громогласных соседок, зацепившихся языками прямо на проезжей части на фоне колоритного колониального городского пейзажа.

И.Ч.: Как вы сами относитесь к своему творчеству?

О.Г.: Поскольку, мое творчество это, скорее, хобби, я отношусь к нему всегда с легкостью и удовольствием. Люблю учиться, а потому никогда не боюсь критики — бита нещадно. А, кроме того, мое творчество — это еще и очень личное пространство моего обитания, где ведется бесконечная беседа с самой собой, беседа, которая дает бесценную возможность, познать самое себя, а познав, открыть вокруг себя мир и людей-человеков.

И.Ч.: Так о чем же вы пишете свои рассказы и диалоги-размышления?

О.Г.: Пишу о человеке как о явлении: о мужчине и женщине — двух параллельных мирах, о ребенке и его отстраненности, о пронзительном одиночестве суетливого города, о добре и зле, пребывающих в вечно условном антагонизме.

И.Ч.: А где же та грань, которая разделяет этот условный антагонизм?

О.Г.: Она все время скользит. То, что некогда воспевалось, может обрушиться в одну секунду. Помните, как в школах учили нас, что «жизнь есть борьба», а гордость считалась одним из признаков силы характера и добродетели. Я долго следовала этим понятиям. Сейчас я думаю иначе и о борьбе, и о жизни, а гордость теперь для меня не что иное, как проявление слабости и глупости. «Гордые люди сами вскармливают злые печали», - как очень точно подметила в своем «Грозном перевале» Шарлотта Бронте.

И.Ч.: Я знакома с вашим творчеством. Мне в ваших произведениях очень нравится ирония, умение видеть смешное в отношениях людей, очень тонко описывать комичные ситуации, это ваш особый авторский почерк, шарм, стиль. Мне кажется, вы сами даже не осознаете, насколько сильна эта ваша сторона. Я права?

О.Г.: На мой взгляд, ирония – это единственный инструмент, который помогает сегодня «выжить», поскольку именно благодаря иронии можно углядеть хорошее в плохом, надежду в безысходности. А, кроме того, хорошая мудрая ирония - это явный признак ума, ведь, как сказал наш любимый Барон М., все глупости на свете совершаются исключительно с серьезным выражением лица.

И.Ч.: Расскажите, пожалуйста, о вашем проекте «Моссалит». Есть ли подобные проекты в России, существуют ли другие литературные салоны? На мой взгляд, это очень интересное явление.

Моссалит (Московский Салон Литераторов) вырос из Московского регионального отделения МСП «Новый Современник». Сейчас наш Салон расширил свою деятельность, в основном, благодаря своим же участникам, которые являются людьми неординарными, яркими. Наши литераторы, многие из которых - члены Союза литераторов России, СП Москвы, Северной Америки, Армении, личности многоплановые. Среди них есть профессионалы и в других областях (есть даже доктора наук): это точные науки, архитектура, живопись, графика, скульптура, драматургия, режиссура. Безусловно, все люди - очень творческие, а потому мы сплочены общими интересами.

Салон объединяет ряд самостоятельных явлений, таких, как театр «КомедиянтЪ» (худ. рук. Алёна Чубарова, реж. Ирина Егорова), проект «Живое авторское слово» (рук. Надежда Стрелкова), клуб «Подвал №1» (рук. Игорь Бурдонов), а также ряд проектов, явившихся логическим продолжением деятельности самого Салона. К ним относятся ежемесячные творческие встречи в Литературной гостиной библиотеки им. Андрея

Платонова, встречи с детьми в Детской библиотеке №34, «Булгаковские чтения» в Квартире-музее М. Булгакова; это также сезонные встречи в частном Салоне с проведением домашних хэппенингов и спектаклей; и аудиопроjekt РГБС - Моссалит «Современная московская проза в авторском исполнении» (проведение записи произведений в профессиональной звуковой студии).

Также не могу не упомянуть крупные издательские проекты: сборники современной прозы серии «Московский Дом», сотрудничество с газетами «Интеллигент-Москва» и «Интеллигент-Санкт-Петербург», издание литературно-публицистического интернет-журнала «Московский BAZAR».

Не буду говорить подробно о философии нашего Салона, об этом можно почитать на сайте: www.mossalit.ru. Скажу только, что Салон – явление уникальное не только по форме, но и по задачам, на первый взгляд, «не-очень-современным». Сегодня мы все стоим на перепутье, и вопрос, по какой дороге двигаться дальше, а с какой свернуть, стоит трагически остро. Думаю, именно сейчас как никогда необходимо сохранить тонкую нить, связующую прошлое и будущее, не дать ей лопнуть, чтобы не канули в прошлое достижения нескольких поколений творческой интеллигенции, великой по своей мощи и внутренней силе, не позволить им исчезнуть в смоге современного города. Именно эта нить и ложится в основу философии Моссалита, а следовательно и встреч, которые проходят в стенах нашего общего Московского дома – Салона, встреч друзей-единомышленников: поэтов, прозаиков, драматургов. Наш Салон - крохотный островок, чудом выживший посреди шума и суеты, среди новомодных клубов и повального «глянца». За три года существования он стал теплой гостиной, где возрождаются творческие мысли, где бережно хранятся традиции и любовь к искусству, где рождается желание созидать. Хочу закончить словами «программы» Моссалита: «Мы верим, что однажды Москва скинет с себя бумажный карнавальный костюм и возродится, как бабочка-махаон из неприглядного кокона: спокойная и мудрая, омытая летними утренними дождями; и в залитых солнцем скверах зашуршат газеты, в кафе за чашкой кофе случайный посетитель откроет книгу, а в Нескучном саду заиграет маленький оркестрик».

Лариса Михайлова

Живу в г. Новороссийске, Россия. По образованию филолог-лингвист, преподаватель испанского и английского языков. Пишу стихи давно, но с перерывами... Иногда и длительными. Последний длился почти 20 лет. Безгранично влюблена в собственного мужа уже почти 30 лет. Он и есть моя Муза... или Муз. Есть двое прекрасных сыновей. Стараюсь не стоять на месте и продолжать развиваться духовно. Люблю музыку... самую разную. Все зависит от настроения. Конечно же, люблю читать. Без книг жизни не мыслю. Учусь живописи. Люблю жизнь во всех ее проявлениях!

Вечер в июне...

Вечер в июне...
Стекает в морскую пучину
Диск, что так ярко пылал,
и пронизывал зноем.
Ныне же тлеет едва он,
подобно лучине...
Блики последние
к берегу мчатся с волною.
Вкрадчиво, плавно скользит
из ущелий прохлады,
В негу вечернюю вилел ароматы
и свежесть
Бриз, что дремал между скал.
И выводят рулады
Птахи, очнувшись от зноя...
и слышится шелест
Волн, что играют лениво,
пытаясь оставить
Краски заката камням
на пустующем пляже...
Вечер в июне так плавно
и медленно тает...
Ночь покрывало свое вслед
за вечером свяжет,
Бликами яркими звезды выплетет
и кометы,
Жемчуг луны, щедро брошенный
до горизонта,
Будет мерцать на волнах
и растает к рассвету
В первых и нежных лучах
восходящего солнца.

Ведь это не сложно...

Затею уборку... в душе, не в квартире.
Пока есть момент... Наступило затишье.
Есть память-кладовка,
и в ней, в паутине,
Так много хранится.
Убрать бы излишки...

Я нежно и бережно перебираю
Все то, что меня согревало когда-то,
И с этим расстаться не в силах, я знаю.
Но лишнее что-то. Мне тут тесновато.

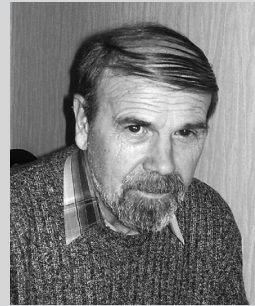
Я звездочки счастья и радости брызги
Отдельно храню. И касаюсь их часто.
И именно их не приходится чистить –
Они, как и раньше, горят и лучатся.

Откуда же вдруг паутина и плесень,
Что даже на счастье
стремятся взобраться?
С обидами... шкаф... Это так интересно...
А впрочем, наверно, не стоит касаться...

А выбросить просто, не помня, не глядя,
Пусть отзвуки их нас
с тобой не тревожат.
Затею уборку ... И комната-память
Светлее и чище ... Ведь это не сложно...

Просто люблю

А у любви моей не видно берега,
Хотя порой казалось - всё... провал...
Но вёл меня Хранитель-Ангел бережно,
Из рук своих моей не отпускал.
Да, у меня любовь к тебе безбрежная,
И ничего поделать не могу.
Я сильная и слабая, и... нежная.
Любовь свою к тебе я берегу.
Грешна, как все, увы, не безупречная...
Живу, дышу, судьбу благодарю,
Всевышнего -
за не случайность встречи той.
За то, что одного тебя люблю...

Фокеев Александр

1952 года рождения, Нижний Новгород. Член Союза писателей XXI века. Публикуюсь на сетевых порталах Стихи.ру, Графоманов.нет, Литсовет.и др. Публикации в сборниках стихов: «Российские поэты». Книга третья. – М.: Литературный клуб, 2010; «Свет зари». Общероссийский поэтический сборник. Сост. В.Ф.Чернов, - г.Кулебаки: Редакционно-издательский центр «КМ», 2011; «Созвучье муз 2011». Литературный альманах. Коллектив современных авторов. Германия: «stella.ru» 2011; «Поэт года 2011». Книга двадцать четвертая. – М.: Литературный клуб, 2012; Музыка перевода. III. 2011г., сборник лучших конкурсных работ, изд. бюро переводов «iTex».

Периодика: Литературный журнал «Страна Озарение» №45. Издательство: Союз писателей; Сетевой литературно-исторический журнал «ВЕЛИКОРОССЬ» № 25; Сетевой литературно-исторический журнал «ВЕЛИКОРОССЬ» № 34.

За окном

*“Я не помню названия местности,
я не помню имени девушки, но вино
было Шамбертан”
Джозеф Хилэр Беллок*

За окном проступают линии –
Очертания хрупкой вечности,
Порыжевшие листья лилии –
Результаты зеленой беспечности,
В заколоченных избах маяются
Без прописки сверчки-сожители,
И понурому псу не лается
В беспризорной, немой обители...
А под сводами тленной совести
Отлеглись в ненамтой россыпи:
То ли главы печальной повести,
То ли гул командорской поступи...
Я касаюсь граненой крайности
Переполненной этой емкости,
И, в до одури жгучей пряности,
Не ищу Шамбертана легкости.

Осень на Валааме

Ступеней благодатный свет
Восходит в стынущее небо,
Расшитый золотом Завет
Скрепляет зримо быть и небыль.
Соединяет и во мне
И боль душевного разлада,
И то, чему в ушедшем дне
Душа была безмерно рада...
Я обретаю вновь покой,
Осенним ангелам внимая,
Живой воды черпну рукой,
Твое причастие принимая.

Наваждение

(по мотивам произведения Эйно Лейно)

Я иду через лес по тропинке,
Лето стынет в вечерней заре,
И томятся в груди моей пылкой
Мои песни о юной поре:
Как когда-то увидел я в роще,
Что сбегает с пригорка волной -
Дева волосы в речке полощет
В серебристой воде под луной...
И поведать об этом не смею,
И не в силах хранить тот секрет -
Я по лесу кукушкой рассеял
Той неожиданной любви первоцвет.

Философия жизни

Я существую, и тогда –
Я мыслю. Значит в полной мере
Я осознаю без труда
Себя в космическом размере.
Вот, только мера бытия,
Шкалы времен стирая вечность,
Вернет туда, где снова я
Познаю жизни скоротечность.
И завершится жизни ход
Распадом клеточных цепочек...
Но в бесконечность Высший Код
Вернет мой дух без оболочек.

Сергей Гора

Родился и учился в г. Ленинграде. Окончил ЛГУ. Филолог-лингвист. Имеет учёную степень из СПбГУ, а также ряд научных публикаций в США, куда переехал как приглашённый специалист. Публикует стихи в семи странах, в среднем 16-17 раз в году. Профессор одного из ведущих мировых центров прикладной лингвистики. Постоянный прихожанин русских православных церквей. Известен как один из первых и наиболее удачливых пост-советских менеджеров потребительского рынка СНГ, а также как один из первых русских ведущих телевизионных ток-шоу.

Стихи пишет с юности, хотя никогда не ставил перед собой задачи их коммерческой публикации. Многочисленные читатели и слушатели его стихов называли его поэзию летописью конца XX-го начала XXI века, написанную истинно русским человеком, уникально оставшимся неангажированным какими-либо властными или корпоративными структурами.

Размышления в музее финансов Нью-Йорка

(... возвращаясь в недавнюю историю)

Запеть романсы финансам прочат.
Мол, нынче кризис-для всех облом.
Но вещей тайной, болея, впрочем,
Над миром доллар летит орлом.

...Музей не больше простой квартиры,
А экспонаты - дворцам сродни.
...Орлу навстречу роятся лиры.
Их слишком много в его тени.

Станок монетный, чеканя, цокал,
Станок банкнотный катил рулон...
Отяжелел фунта стерлинг-сокол,
Уж не дотянет до неба он.

Ликует сейф торжеством сирены.
Его пробить не дерзнёт и танк.
Стремятся ввысь невидимки-йены.
Им уступает учтивый франк.

Трудяга доллар - совсем не яркий,
Не то что крыш прибалтийских вид.
Пестрят, плывя над Европой марки.
Вожак их прочный, как Мессершмидт.

В полёте тоже свои законы.
Юань в тумане всё ищет свет.
Воркуют драхмы, щебечут кроны
Про затяжное пике песет.

Эскудо, литы, танги, манаты, -
Вас в мире больше теперь, чем птиц!
Куда летят, непонятно, латы
Вдоль, непонятно, каких границ...

Но у банкиров стальные нервы,
У них чутья ситуаций дар:
Не допускают ко взлёту евро,
Пока белградский бомбят динар.

Орлиный пыл не идёт на убыль,
Напрасно, ветер, грозой поёшь.
Ты не пугай, что разбился рубль,
Сорвавшись в самый обычный дождь...

...У птиц, известно, упрямый норов.
Их роль на небе — полет-пиар
Стремится вниз лишь инфляций ворон
На падаль вонгов, крузейр и лар.

На небе рай: там никто не спорит.
Оставил Бог суету земле.
И я брожу, как бесстрастный форинт,
Меж древних бондов, что спят в стекле.

Милая Москва

Милая Москва.
В дымке тают башни.
На Тверской мой гольф
крутится юлой...

Заглянув на миг
в светлый день вчерашний,
Вспомню и умчусь
«красною стрелой».

Вспомню, как с Тверской,
повернув налево,
Фарами пронзал
утренний туман,

Чтоб увидеть крест,
улетающий в небо.
Там кого-то ждёт
мой крестильный чан.

Захотелось вдруг,
чтобы вновь приснилось,
Как мерцает свет
в тёплом кабачке,
Где ирландский друг
разливает Гиннес,
И творит скрипач
чудо на смычке...

...Терпкие глаза,
лёгкие красотки:
Мимолётных чувств
трепетный прибой.
Мне тогда порой
не хватало водки,
Чтобы утонуть
в мыслях о другой.

Вот и всё. В купе
закрываю дверцу.
Нынче у судьбы -
новая глава.

Где теперь мой дом? -
Может, только в сердце:
Там, где навсегда
милая Москва.

Странный вальс

Люди уходят навеки, но души не тают.
Чья-то душа поселилась во мне и теперь
Ангелы прошлого в гости
к душе прилетают,
И открывается времени тайная дверь.

Странное чувство, но чувствую,
жил я когда-то.
Трудно представить,
но мир предо мной предстаёт
В длинном плаще
и с причёскою пятидесятых
Музыкой вальса,
звучащей всю ночь напролёт.

Вот беспросветный туман
растворяется светом
И превращается
в терпкий любовный дурман.
Кем и когда, и каким,
я не знаю, сюжетом
Был обозначен загадочный этот роман.

Призраки ярко расцвеченных
праздничных улиц
И силуэты невиденных прежде домов
Словно, исчезнув однажды,
обратно вернулись
С жёлтых страниц
перелистанных кем-то годов.

Странные вещи порою
приходят на память, -
Память, которой, казалось бы,
вовсе и нет.
И начинается так сладко,
так вкрадчиво ранить
Зримая музыка мною не прожитых лет.

Как не пытайся уснуть,
как забыть не старайся,
Кружатся в мыслях обрывки
неслышанных фраз:
Музыка, музыка, музыка,
музыка вальса.

Мне, почему-то,
до боли знаком этот вальс.

Чёрная кошка (песенка - триллер)

Чёрные точки в жёлтых кругах...
Чёрная шерсть, наводящая страх...
Злое предчувствие душу изводит:
Чёрная кошка дорогу переходит.

И исчезает за чёрным кустом, -
Чёрная тайна с поджатым хвостом.

Прямо за нею тянется след
Чёрных напастей и бед...

Что предсказала, зловеще мяукнув? —
Сплюну, три раза по дереву стукнув.
Если нет дерева, вывод суров:
Не избежать катастроф!

Тихо крадутся, жертву наметив
Чёрные кошки - дьявола дети.
Держат людей в суеверном испуге
Чёрные кошки - дьявола слуги.

...Только вопрос возникает несмелый:
Есть ли отличие чёрной от белой?
Разум решит, поразмыслив немножко:
В каждом грешит своя чёрная кошка.

Меньше с годами я верю в гаданья:
Чёрная кошка - знак оправданья.
Не на кошачьих же лапах повисли
Чёрные страсти и чёрные мысли...

...Кровь, как вино перегретое, бродит
Чёрная кошка дорогу переходит.
Кто и зачем насылает на нас
Чёрную зависть, порчу и сглаз?

Злые глаза..., напряжённые уши...
Чёрные кошки души задушат!
Тут не причём чудеса никакие:
Чёрные кошки - тени людские.

Хорошо там, где мы были и где нас сегодня нет

Строем призрачных фрегатов
Растворяются года,
Унося с собой куда-то
Нашей жизни города.
То ли в сказке, то ли в были
Согревал

их добрый свет:
Хорошо там, где мы были
И где нас сегодня нет!

Гимном сладкой ностальгии
Дням былым поём хвалу.
Очертанья дорогие
Проступают сквозь золу.
Что пожгли, что потушили, -
Не вопрос для пепелищ, -
Хорошо там, где мы жили:
Лучше не было жилищ!
Если прошлое — добыча
Скрытых временем глубин,
Словно жемчуг в память «тычут»
Блики розовых картин.
Все цвета другие — слухи,
Чьей-то ревности навет.
Кто найдёт следы непуху
В смутных контурах побед?...

Так уж мир, увы, устроен:
(Впрочем, может, не «увы».)
Пьётся прошлое настоем
Из пьянящей синевы.
День же нынешний - микстура,
Муторный

похмелья раж:
Надоевшая натура,
Опостылевший пейзаж...

В стужу зим нам чудо-вёсны
Тех минувших городов
Доброй сказкою для взрослых
Шепчут миф про шум садов.

В звуках
соловиной трели
Сплошь промёрзший водоём, -
Хорошо там, где мы пели
И где больше не споём!

Скоро нас и здесь не будет
И, спустя какой-то срок,
Вырастит из серых буден
Нежный памяти цветок.
И, как в грустном водевиле,
Проворчит седой корнет:
Хорошо там, где мы были
И где нас сегодня нет.

Маргарита Чичина

Член Союза Писателей Северной Америки.
Член Международного ПЕН-клуба. Член Клуба Поэтов Нью-Йорка. VIP Международного Общества Поэтов. Член Общества Поэтов Америки

«Жизнь — не мало, ни много —
Мгновенье одно!»
Омар Хайям

Чемодан, вокзал, Россия...
Вся страна моя — Вокзал
Для транзитных пассажиров.
Кто всё знал? Кто предсказал?
Где Мессия? —
Нет ответов на вопросы.
Жизнь — мгновение одно.
Всё покосы да погосты сквозь
Закрытое окно...

Чемодан, вокзал. Мгновенье —
От итога до нуля. Дальше — тьма.
Темно. Темно. Повороты лишь
крутые.
От безбожия до Бога —
Лишь мгновение одно.

Чемодан. Вокзал. Россия...
Что же дальше? Где Мессия?
Неужели прав был Ирод?
Господи, ну где же выход?
Жизнь — мгновение одно.
Но — ведь не всегда темно?

Верю я: придет Мессия.
Встанет на ноги, воспрянет,
Обретя былую мощь,
Моя бедная РОССИЯ!

* * * *
«Умом Россию не понять...»
Федор Тютчев

Страна моя — лоскутное цветное Одеяло,
Разорванное по краям и середине.
Страна моя, страдавшая
столетиями, бывало,
Страдающая, к сожаленью, и поныне.
Вот беда.

Всегда под ним хватало места. Всем.
Но как же всё переменялось!
Вот ныне почему-то места мало всем там.
Что делать? И — Кто виноват?
Извечные вопросы на Руси.
Ответа нет на них — никто не знает,
Хоть кого спроси...
Страна моя!
Что сделали с тобою —
Богатой, независимой. Единой.
Готовой всем всегда помочь,
Встать на защиту обездоленных,
В порыве, никому не объяснимом?

Теперь — страны нет. Больше нет.
А есть — лоскутное цветное одеяло...

Так неужели не наступит
Светлый день?
И — неужели только ночь?
Но — солнце ведь еще светить
Не перестало?.

* * *

Да. Не спасли Россию.
Не уберегли.
И небо, будто плачет:
Сплошь дожди...
А мы с тобою далеко —
Мы на другом краю Земли...
И нам здесь тоже нелегко:
Мы делали в России,
Что могли.
Но, думаю, душою
Всё равно мы — там.
А потому, болит она
И — горько плачет по ночам.
И шелест листьев,
Словно вздох стихии:
И мы, мы с нею — навсегда.
Мы — из России...

Часы Без стрелки

Ни два, ни три: сотни залпов, следующие один за другим, превращали райские сады в ад, порядок в хаос, а жизнь – в смерть! Гретта забилась под пишущий стол, по которому прыгала массивная промокашка. Чернильница упала первой, оставив на полу пятно темно-фиолетовой крови. За нею об пол ударились часы. Стрелка отскочила и провалилась меж половиц – не достать.

- Майн Гот! – вскричал из коридора раненый отец.

- Фатер! – Гретта хотела броситься на крик раненого, но снаряд, случайно попавший в здание медсанчасти немцев, разрушил крышу. Стены рухнули. Немецкий порядок, выстроенный на захваченной территории, поддерживаемый армией, техникой, финансами Европы и монументальным строительством его Величества Мировой войны, казался теперь хрупким картонным домиком, разрушенным гневом русской Земли. Земля не принимала ни этого порядка. Ни отца Гретты. Ни саму Гретту. Девочка лихорадочно схватила остановившиеся часы, точно хотела спасти счастлирое время побед, прижала к себе. Послушала – да где там! Только вой и грохот. Грохот и вой.

Раненые немцы, молясь в иступлении, падали на колени, закрывая уши, проклиная день, когда они сунулись на территорию Советского Союза. Против них было применено секретное оружие - бесствольные системы полевой реактивной артиллерии, названные позже «Катюшей». Да. Так злобствовать могла только женщина! Ведьма, у которой отняли счастье...

Гретта долго не вылезала из-под стола. После гибели матери от случайной инфекционной болезни (а ведь ее мог спасти простой фельдшер!), она увязалась с отцом, пытаясь быть хорошей санитаркой, но и предположить не могла, что война – это так страшно!

Дальше она ничего не помнила из этого кошмара. Только, как двое солдат подошли к столу и что-то стали спрашивать.

- Найн! Найн! – отбивалась она, пряча за спину часы.

- Немка что ли? – спросил один другого.

- Похоже на то...

Дрожащую и всхлипывающую ее доставили в штаб. Офицер Кузьминцев по телефону докладывал обстановку. Не смотря на жару, Гретту колотило так, что стучали зубы. Один гольф постоянно спускался до туфли. Она нервно пыталась стряхнуть пыль с гофрированной юбки, но та въедливо портила внешний вид.

- Имя? Дайне наме?

- Гретта. Гретта Вайс.

- В детдом поедешь, девонька. Ты уж прости. Никого из твоих не осталось. Вставай, пошли!

Гретта поняла скорее по жесту, чем по словам, слово «вставай», решила, что ее сейчас расстреляют, закрыла лицо ручонкой, второю - прижав часы к стучащему сердчишку, покорно поднялась. Черные лаковые туфельки жалобно скрипнули. По телу пробежала судорога. Ноги занемели. Гольфик, тот, который повыше, внезапно все сильнее окрашивался в красный цвет.

- Елки! Болваны? Вы что ее изнасиловали что ли? Твари, блин! Звягинцев! Новоселов! Ко мне!

Гретта снова ничего не понимала. Почему офицер орет на солдат, и почему те оправдываются:

- Мы не трогали! Никак нет! Она же голопузая шантрапа! Мы, что звери какие? Нет, товарищ командир! Никак нет!

- В медсанчасть девчонку! Живо!

Обнаружив на ногах липкие теплые струйки, Гретта решила, что умирает. Ей повезло, что медсестра знала немецкий, оказавшись тактичной, и объяснила Гретте, что в день перетасовки земли – от русских – к немцам, и от немцев – к русским, девочка стала девушкой.

Потом ей позволили «постираться». Подарили белых тряпочек. Научили отмыывать кровь по-русски, намылив, замачивая ненадолго белье в холодной воде. А после еще прокипятив, да капнув пару капель перекиси, если, конечно, она есть. И гольфы Гретты снова стали белоснежными. Девчонка начистила до блеска туфли, старательно отпарила юбчонку, как будто в прямых аккуратных складочках оставался единственный смысл жизни.

Документы оформили быстро. Потом были пыльные машины. И конвой. И другие «дети войны»: русские, немецкие, украинские, евреи, белорусы; замызган-

ные, несчастные, заплаканные, потерявшие родителей - разные. Их перевозили из пункта в пункт. На станциях кормили скудно похлебой или просто кипятком с хлебом.

Местность менялась. «Голопузая голодная шантрапа» все чаще повторяла, как заклинание или молитву словосочетание «Ташкент – город хлебный».

Потом был еще один приемник. Просто пустая комната без мебели. С грязным полом. И Гретта так и не присела на него, не смотря на усталость. Лаковые туфельки давили ноги нещадно. Она давно выросла из них. Но не оставшая же босою! Детей распределяли по семьям. Только немку никто не хотел брать в дом. Пока ее не «рекомендовали» насильно.

- Вах!(Великий Аллах!) – возвела руки к небу Зухра, - За что Аллах прогневался на меня, несчастную? Как же мне ее содержать? Да на что? – причитала породная полная узбечка, ведя за собою в Гретту по ухабистой разбитой центральной улице, вздымая пыль и прах за собою, точно разъяренная кобылица, и соседи кивали, сочувствуя ей в создавшемся положении, - Вай-вай! Да что скажет мой отец Абдурашид, раб мудрого!? Да что скажет мой свекор Абдурахман, раб Милостивого?! Да что скажет мой брат Абдула, раб Аллаха?! Да что скажет на это мой первенец, Абдурахим, раб Милосердного?! Немка в доме!

Из постройки более похожей на барак, составленной из саманных кирпичей и «тысячу лет назад» беленой известью, а теперь облупившейся так, что по углам торчали куски коровьих засушенных лепешек, аппетитно пахло узбекским хлебом – абенонами.

- Фатима! – зывала Зухра дочь издалека, подходя к дому, - выди глянь, кого я тебе веду. Сестра будет! Нур(свет) очей наших. Гретта называется.

К ним выбежала очень шустрая девчоночка небольшого росточка. Чуть косолапая от нехватки витаминов.

- Гретта? А что это у тебя в руках? – спросила девочка.

Гретта протянула часы без стрелки.

- А-а-а, - сказала Фатима. – А ты кушать будешь?

Гретта снова протянула часы. Но Фатима отрицательно качав головой, зачем ей мужские испорченные часы?, не отставала:

- А ты песни петь умеешь?

- Она немка, русский, узбекский не понимает, - сказала Зухра, поправляя платок. И обращаясь к новоиспеченной дочери, добавила строго, - Гретта!

- Я, майне фрай!

- Мама, просто мама. Повтори. Мама! – перебила ее Фатима.

- Я, мама!

- Ты не мама. Она мама!

- Она мама!

- Молодец, - похвалила девочка, крутив сотней черных блестящих косичек. Глазенок ее мелконькие блеснули азиатским неподдельным блеском. На щеках проявились очаровательные ямочки. Фатима улыбнулась всеми белоснежными зубами и одобрительно хлопнула Гретту по плечу.

- Дом! – показала она на саманную постройку. - Повтори. Дом!

- Хаус? – переспросила Гретта.

- Хаос – это когда бардак. А в доме люди живут. Это Дом!

- Гут. Дом!

Зухра сбросила башмаки, показывая, что в дом, как и в мечеть, на половики надо заходить по мусульмански босиком. Гретта с удовольствием скинула саднящую лаковую обувь.

- Ух ты! Какие туфельки! – восхищено произнесла Фатима, присела пред ними, стерла пальчиками пыль с черного лака.

- Эс ист дас гешеньк(это подарок)! – пригласила Гретта их примерить.

Фатима вопросительно взглянула на мать. Обе понимали, о чем говорит приемыш.

Зухра намочила полотенце, протерла смуглые ножки Фатимы и позволила примерить иностранную обновку.

Лаковые туфельки оказались чуть великоваты.

Но девочка так обрадовалась новой обуви, в которой не стыдно будет идти в школу, что чмокнула радостно Гретту в щеку и с радостью прижала к груди.

- Меряй! – выставила пред Греттой свои старые туфли на небольшом каблукче Зухра, - Твои будут, значит.

Гретта блаженно просунула обе ножки в мягкую разношенную пару и не новую, но по ноге обувь. Тоже улыбнулась:

- Данке!

Зухра же тем временем подала белокурой немке платье из национального пестрого атласа, выкрашенного под узор северного сияния, отломила часть лепешки, налила в пиалу чай и строго продолжила нравоучение:

- Кто келди (пришел), тот турдым (остался). То, что ты немка, лучше не говорить! По-немецки не говорить! Повтори! Не говорить!

- Не говорить!

- Да. Не говорить. По-русски, -узбекски можно. Повтори. Можно.

- Можно.

- Молодец. Ну что? Добро пожаловать! Обживайся! – Зухра показала широким жестом на двор и сад и постройки, - чем богаты, тем и примем. Раз послал тебя Аллах, оим гуль(моя красавица, мой прекрасный цветок), грех пренебрегать волею Всевышнего.

Гретта для себя мучительно перевела сказанное теткой в цветастом платье. После обеда внимательно оглядела двор, и на нем: листья и пыль, веточки и лохмотья, грязные чаны, ворох белья, замоченного в треснутом по краям черном дубовом корыте...

Скорее всего, она решила, что попала в рабство, и, полученный хлеб должна отработать. Она робко взяла метлу, спросив Фатиму:

- Я?

- Бери, - позволила та.

Привести двор в порядок не составило большого труда. И вот уже она стала жулькать замоченное в тазу белье.

Зухра, выглянула во двор, наблюдая эту картинку и, приятно удивленная, возвела глаза к нему с благодарностью:

- Вах!

Через месяц Гретта немного уже понимала русскую и узбекскую речь. Девочки быстро подружились. Фатима заплетала раз в неделю Гретте из ее белокурой ангельской шевелюры множество узбекских косичек, водрузила на макушку тюбетейку, чтобы голову не пекло, и рисовала углем сросшиеся брови. Гретта благодарила ее по-узбекски: «Вах! Оим гуль!», повторяя жесты мамы Зухры, охотно включалась во всю грязную домашнюю работу. Научилась готовить узбекский плов и печь лепешки на открытом огне в плоской широкой сковородке. Их саманная хибара стала преображаться на глазах.

А еще девочки вместе ходили купаться в арык. Вместе вычесывали над разложенным белым вафельным полотенцем вшей мелким гребешком. А осенью пошли в школу.

- Я не буду учить немецкий! – кричал Мансур друг и сосед Фатимы, - Моего отца фашисты убили! А ты че уставилась, фашистская морда? – обернувшись на виноватую Гретту, вопил пацан, - Думаешь, брови нарисовала, так я тебя за это уважать начну? Было тебе плохо на своей немечине, белобрысая поросятина? Что ты к нам приперлась? Было тебе плохо?

Фатима вырастала как из-под земли меж Мансуром и Греттой, и шипела чуть ли не по-змеиную:

- Еще раз обзовешь мою сестру – укушу!

Ребятишек разнимали, но обстановку на фронтах, а после в общении между подростками накалялась. Похорошки в узбекское село шли одна за другой. Зухра же сердцем прирастала к приемной дочке. Пыталась не нагружать тяжелыми работами. И относилась даже мягче, чем к Фатиме, которую время от времени и за косу дернуть могла и отругать как следует.

- Религия – опиум для народа! Бога нет. Аллаха нет! Пишите, так Ленин сказал, - диктовал учитель.

Гретта незаметно для всех сняла с себя крохотный католический крестик, и написала в тетрадке по-русски: «Бога нет!» А подумала по-немецки: «Конечно, учитель прав, Бога нет, раз он так жестоко забрал мою мать и моего отца! И мою Родину!»

Фатима заметила жест сестры и также сняла с себя полумесяц, вывела слова учителя на русском в своей тетрадке, и подумала на узбекском: «Даже Гретта сняла крест! Аллаха верно нет, раз поверг землю в засуху, забрал на войну лучших мужчин и столкнул лбами народы! Даже человек не сделал бы такого зверства. А Бог – как бы он позволил принести миру столь страданий, кабы он был? Мне? Гретте? Досту(другу) Мансуру? Матушке Зухре?...»

Однажды в воскресный день Фатима потащила Гретту в заброшенные сады. Там когда-то давно-давно басмачи жили. Их раскулачили. А сады остались. Идти надо было далеко и жарко. Девочки взяли с собою сетки для смокв(инжира).

Проникнув за изгородь в палисадник, они принялись радостно собирать перезревшие теплые плоды с веток.

Фатима залезла на дерево и стала трясти его, чтобы фрукты попадали. Гретта ловко ловила их, не позволяя разбиваться кляксами о землю.

Но из-за разрушенной стены вдруг раздался свист. Пять или шесть босоногих черномазых мальчишек разного возраста, видать, тоже облюбовали это место для воскресной охоты.

- Ага! Попались воровки! Щас мы вам косы повыдергаем! – мальчишки стали пихать и толкать Гретту, пока она не удержавшись на ногах, не опрокинулась в колочий кустарник. Тюбетейка слетела. Косички лучами солнышка рассыпались по плечам, застряли в ветках.

Фатима, спрыгнувшая с дерева, просто рассвирепела от ярости:

- Не тронь мою сестру! В лоб дам! – она схватила колочную ветку акации и самоотверженно отогнала парней, вытащила из западни сестричку, схватила сетки. И, не успев опомниться обидчики, сестры, спасая добычу, бросились наутек.

Голодное время войны закончилось голодным мирным временем.

Девушки поехали учиться в Ташкент.

- Вах! Как же мне пережить это? – причитала Зухра, давая в дорогу яблоки.

Фатима училась очень плохо на учительницу. Гретта училась очень хорошо на врача. Но обе получали от государства стипендию. Перебивались кое-как в общежитиях. Подрабатывали кто где, Фатима на рынке, Гретта – в больнице медсестрой.

Жили они с тех пор порознь.

Но на каникулы, как домой, а это и стало ее родным домом, приезжала Гретта, которую теперь звали по-русски Рита, в узбекское село.

- Вах! – радостно восклицала буви (бабушка) Зухра, завидев издали легкую походку голубоглазой дочки, - да куда же мне столько сносить обнов? Милая. Добрая оим гуль! Аллах послал мне тебя на покойную старость!

Дивились люди, дочь-то какая беленькая у смуглянки Зухры! Фатима, как услышит, что приехала сестричка, тут же бросает все, к матери торопится.

И пели они. Долго пели прямо под старыми чинарами всей семьей длинные протяжные узбекские песни до звездной ночи. Слушали рассказы Зухры и о том, как высоко в горах пасет овец дед Абдурашид, какой сыр необычайной желтый и жирный недавно привез свекор Абдурахман, как идет торговля на рынке у дяди Абдулы, и до чего обнаглела невестка Зухры, жена Абдурахима: не поздравила с именинами внучатую племянницу из Бешкека Лейлу!

А потом обе и Фатима и Гретта приехали на похороны Зухры, где каждый из родственников сказал о покойной матери доброе слово.

Фатима осталась в селе работать учительницей. А Гретта уехала в Москву. Они слали друг другу письма на русском реже и реже.

У обоих образовались семьи. Дети. Внуки. Проблемы семей, детей и внуков. Много проблем.

Шли годы. Фатима расплела десятки тонких косичек и скрутила волосы на затылке в тяжелый узел смоляных волос. Гретта их совсем обстригла под мальчишку, чтобы легче было носить хирургический колпак. Но, отдалившись друг от друга, сестры в душе так и оставались озорными девчонками, слившимися в единую семью военным временем.

Стой, читатель. Еще не все. Было маленькое продолжение, длинное в две переплетенных жизни!

Окончание на стр. 6

Окончание. Начало на стр. 5

Прошло много лет. Перестройка открыла границы. Гретта Вайс нашла через интернет своих бабушек и дедушек, которые приняли ее в Кёльне, оставив хорошее наследство.

Союз распался. Узбекистан отошел от России. А Фатима, бедная учительница Фатима, долго не имела возможности приобрести компьютер. Сыновья «кое-как с хлеба на квас» перебивались гастарбайтерами в Московской области. Иногда высылали деньги. Но чаще сами нуждались в помощи бедной старушки Фатимы.

Наконец, ее внук зашел в интернет.

- Гретту. Ищи мою Гретту! Гретту Вайс. Она должна была бы жить в Кёльне.

- Да вот она твоя Гретта, ба, - ответил смысленный внук. - Она?

- Она! – с жадностью впивалась глазами в монитор Фатима.

Названные сестры беседовали по скайпу не долго.

- Приезжай, я сказала. Насовсем приезжай, я сказала, - твердила Гретта, хромя речью четким немецким акцентом, подзабившая и русский и узбекский, и приводя тысячу правильных умных доводов в необходимости переезда.

И Фатима подхватила юношеский ташкентский чемоданчик, накрепко перетянула, чтобы воры не залезли. Ведь в нем - куча подарков для Гретты: узбекский мед и конская колбаса и лепешки! А главное, она везла реликвии – те самые немецкие часы, пару национальных узбекских платьев с характерным рисунком из китайского полиэстера, их детские фотографии.

Поезд постукивал через всю Россию, а потом через Европу.

- О! Аллах! - причитала узбечка, отхлебывала сладкий чай, разжевывая золотыми зубами лепешки. И на черной загорелой шее ее подрагивал от трепетного ожидания серебряный мусульманский полумесяц, - Я еду в Германию! Да что скажет мой покойный дед Абдурашид, раб мудрого!? Да что скажет мой другой дед Абдурахман, раб Милостивого?! Да что скажет мой дядя Абдула, раб Аллаха?! Да что скажет на это мой брат, Абдурахим, раб Милосердного?! Я еду в Германию!

Достопочтенный Кёльн чопорно и точно принимал поезд. Раскрасневшаяся от волнения Фатима старалась поскорее выйти на перрон, пыхтя и толкаясь. За куполом из стекла и бетона грандиознейшего современного здания вокзала угадывался легендарный Кёльнский собор. Немцы, встречающие поезд, удивлялись на чуть косолапую азиатку с черным загорелым лицом, в цветастом несуразном платке, пытающуюся оглядываться по сторонам и одновременно тащить на руках, а не на тележке, как у всех цивилизованных немцев не первой свежести допотопный чемоданчик, обмотанный убогим резиновым ремешком с алюминиевой пряжкой. Наверное, во всей Германии не нашлось бы столь бедной бомжихи!

И там, в самом дальнем конце не разглядела, а угадала Фатима по походке названную сестрицу. Гретта с широкими голубыми глазами полными любви и слез, очень быстро шла наперерез, ловко просачиваясь сквозь толпу. Вся ее внешность говорила Фатиме: «Ты теперь дома! Теперь все будет стабильно! Ты забудешь трудности и проблемы. Твои прекрасные ямочки, утонувшие в морщинах, снова будут беззаботно улыбаться, как в детстве! Ты дома!»

Фрау Гретта Вайс была одета по последней европейской моде дам Бальзаковского возраста. Ее стройное тело облагал аккуратный молочного кашемира костюмчик с глубоким вырезом, в который элегантно вписывался католический золотой крестик. Светлые выходящие волосы острижены и уложены в салоне. Безупречный маникюр на идеальных ноготках. На стройных торопящихся ножках - туфельки натуральной белой кожи...

Женщины быстро сблизились. Резко остановились посредине перрона, не обращая внимания на проходящих мимо людей. Руки у Фатимы от нахлынувшей радости разжались. Меж сестрами наземь рухнул чемоданчик. Пряжка лопнула. О чистый кафельный перрон звонко ударились часы без стрелки. Колесами раскатывались во все стороны круги домашней колбасы. Но сестры не видели этого. Они, такие разные, вдруг совершенно одинаково, как-то театрально и не понятно для этих мест, возвели руки к небу, одновременно воскликнув: - Вах! Оим гуль!

Светлана Савицкая

Яков Бронштейн

Родился 2июня 1936 в Украине , гор. Житомир. Женат, имею дочку. Образование - высшее(техник-механик,инженер-экономист). Увлечения - политика, шахматы, литературное творчество (стихи,проза). Опубликовано 2 сборника . Член объединения русских литераторов Эстонии(ОРЛЭ).

* * *

...Барак стоит на этом месте.
Там в обмороженной стене
Окаменелый ужас зверства,
Который рыскал по стране.

И тот,кто так или иначе,
Сумел дожить до наших дней,
Сюда приходит,сердцем плача,
Клеймя систему упырей.

Ещё не выкашляны сроки...
Ночные бдения, воронки
УЖЕ как в мареве уроки,
Как отдалённые гудки.

И редко в жизненной болтанке
Воспоминаний черепки
С причинной связью в кровотоке
Несутся горсткой в Соловки...

В мирУ,что ныне - из надежды,
Все круговерти, забытья -
Взрасли в забросе и невежды
В снобистском духе бытия.

* * *

Пути безумства и страстей
Случались часто не напрасно;
Быть может, блага жизни всей
Добыть возможно где опасность?..

Ведь, к сожалению, увы,
Благоразумие скучает,
И потому, со слов молвы,
Смерть жизни крылья подрезает.

Лазурь и ангелы небес
На глас молеальный лишь взирают,
Но ничего не обещают,
Хотя у многих явный стресс.

Бесценный дар судьбы не взят
(Потери всюду на распутье),
А люди загнанные в пат -
Ей-ей, как рыбы на батуте.

* * *

Рио-Рита, Рио-Рита -
Фронтальная теплота...
В музыкальном ритме скрыта
Искра счастья бытия.

Быют мортиры, рвутся мины,
Гарь въедается в глаза.
То дымящийся осинник
Пеплом смотрит в небеса.

Ухнул взрыв, в разбросе брёвна,
Где блиндаж - воронка в смесь;
На краю - осколок тона
Да рука сжимает жель.

По дуге, среди окопов,
Крутит танец смерти в месь
Рио-Рита, как зазноба,
Словно здесь живые есть.

Сергей Удод

Музыкант в подземном переходе

В подземном переходе гитарист
Терзал, облезлые местами, струны.
Мне виделись Лаура, море, дюны.
«Второй сонет Петрарки» - Ференц Лист.
Струился свет в подземку тускло-лунный.

Там, наверху подкрадывалась ночь.
Здесь музыка являлась доминантой.
Гитарный гриф. Подрагивание банта.
Вся мрачность дня рассасывалась прочь
С аккордами слепого музыканта.

Про жизнь узнать пытаюсь по лицу:
Очки, лет сорок; здесь он раз не первый;
Спокойный, профи, в кулаке все нервы.
И в благодарность музыки творцу
Я бросил в кепку скомканных пять евро.

Вот окончательно исчез сумбур
В моих мозгах. Всё сразу стало ясно:
А небеса копчу я не напрасно;
И несмотря на двух набитых дур,
Что встретились с утра,
как жизнь прекрасна!

Командировка

Хрущёвка. Здесь жила старушка.
Портреты кошек на трюмо рядком.
На стенке — ходики с кукушкой...
Почата хладная чекушка.
Тишь разрезает чайник со свистком.
Жизнь прокатилась медной двушкой.
Я помяну и кошек и старушку.

* * *

Так и шёл он по стёжке-дорожке,
По коровьим лепёшкам и лужам.
А встречали его по одёжке.
Провожали... значительно хуже.

* * *

Спустился с небес, мой добрый ангел.
Приди ко мне в минуту боли.
- Архангел я, не в том уж ранге,
И не тревожь куда боле.

* * *

А дружба, братцы, - это время
Между знакомством и
предательством.
Поэзия, пожалуй. — бремя
От первой строчки до издательства.

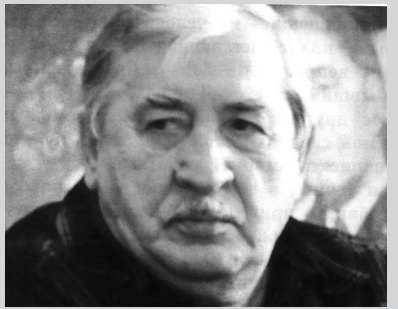
* * *

Вся жизнь — на полную катушку.
Горел, не тлел. Давил на газ.
Осёдлан был крутой Пегас.
Бог целовал его в макушку.

А муза — жёнушка-подружка...
Но вот случилось как-то раз:
Источник пламени угас,
И тут как тут — с косой старушка.

Ржанул пегас, взмахнув крылом,
И полетел, покинув дом.
Наверно, надоело стойло.

Поэт — на небо. Конь — куда?
Маршрут был выбран без труда:
В Париж, Елабугу и Тойла.

Игорь Крайний

Родился в 1940 году в Самарканде. Образование – незаконченное высшее.

Места работы – металлообрабатывающие предприятия. В Эстонии живёт с 1958 года. Увлечения – спорт (борьба, плавание), чтение и стихи. Состоит в литературных объединениях «Сонет», «Гармония». Стихи печатались в заводских многотиражках, в альманахах. Автор книги стихов «Жизненное».

О времени и о себе.

Кто именем —отчеством, кто Игорёшей,
Кто другом , кто батей меня называл...
Каким был для них я:

плохим ли, хорошим? -
Порою вопрос сам себе задавал.

Былинкой, плывущей во времени неком,
Которое каждый ругал, но любил,
Я, кажется, не был плохим человеком:
Как —будто бы не был...

Иль всё-таки был?..

...В жестоком горниле двадцатого века,
Во противоборствах теней и огней,
Похоже, не стал я плохим человеком;
Но был и хорошим? — вопрос посложней!

Да, грешен, но жить не хотел бы святошей:
И женщин, и жизнь, и веселье любил...
Не знаю, что значит быть очень хорошим,
Зато подлецом — вот уж точно - не был!

Да, звёзд не хватал — не стремился к ним очень:
Всю жизнь у станка и в профессии - ас,
И жизнью доволен, и тем, что рабочий,
Что дружен со мною крылатый Пегас!

Пусть правда не мера, пусть совесть не ноша,
Но всё же вызывается именно к ним:
Великим быть - вовсе не значит - хорошим,
Быть малым - отнюдь не синоним - плохим!

Я совесть не «кинул», друзей я не предал,
(Как жаль, что с годами редееет их рать),
Богатства не надо — вот личное кредо;
А то, что имею могу и отдать...

Мокрая курица

Как-то еду в машине по улице, -
Дождь со стёкол стекает рекой...
Это что там за мокрая курица
Мне отчаянно машет рукой?

Как умело фигурка отточена:
Чтож любуйся да втайне дивись!
Торможу, прижимаюсь к обочине —
«Ишь, промокла, быстрее садись».

Мне претит заниматься извозами,
Разве что, как сейчас, по пути,
Да дождинки так жалобно-слёзные:
«Так, куда Вас, мадам, подвезти?»

«Ой, тепло как, ну прямо экзотика!
Представляете, шла из гостей,
Тут как хлынет, а я—то без зонтика —
И промокла насквозь до костей.

Говоря , на ошибках мы учимся,
Заболею — ну, что ж поделом!»
Разболтилась по-женски попутчица,
Согреваясь салонным теплом.

«Вот и дом мой. Спасибо огромное!
Приглашаю на чай от души».
А глаза с поволокою томные...
Скинуть годы бы, хвост распушить...

Понимаю, что это - утопия,
Оттого и страдаю, и злюсь.
«С превеликой, поверьте, охотой,
Но, увы, дело ждёт, тороплюсь.»

Выжимаю послушные дроссели.
Искушение — хуже чумы:
Ведь не скажешь, что выпел все осени
И теперь ожидаешь зимы...

...Снова дождик по стёклам рисуется,
Глаз в сторонку косит невзначай:
Есть без зонтика мокрые курицы,
Нет лишь женщины, звавшей на чай.

ЦВЕТOK

— Не садись на меня! — мелодичным, но строгим голосом вскричал цветок при приближении пчелы. Радость в её взгляде тут же сменилась растерянностью, потом равнодушием, и, расправив свои маленькие крылышки, пчела полетела дальше, надеясь на более тёплый приём в другом месте. А красавец цветок, горделиво встряхнув лепестками, внимательно оглядел окружающий его пейзаж. Он рос у дороги, чудом сохранившись всего в паре сантиметров от бордюра на небольшом пятчке вытоптанной земли.

Разбитый павильон остановки на другой стороне улицы стоял, уныло накренившись и грустно глядя на осколки, некогда бывшие его стенами. Порывистый ветер гонял рваные пакеты и неизвестно откуда принесённые клочки газет. Обгоревшая мусорная корзина безуспешно пыталась удержать в себе остатки мусора, методично вымываемые дождём через огромную зияющую дыру. Ржавый покорёженный забор воинственно возвышался, окружая давно заброшенное здание хлебного завода. Оттуда иногда слышался стук, как будто что-то металлическое глухо ударялось о бетонную стену.

Изредка по пустынной мостовой проезжала одинокая машина, напоминающая о тех временах, когда от уличного движения в ушах стоял постоянный гул, когда яростно моргал светофор и гудели клаксоны автомобилей, люди сновали туда-сюда, а со стороны завода доносился приятный запах свежее испечённого хлеба.

Небольшой, но прекрасный цветок надменно усмехнулся:

— Да, ничто не сравнится с моей красотой! Он ещё помнил тот день, когда бродячая грязная собака внимательно обнюхивала его своим мерзким мокрым носом. Хорошо, что она напоролась на его шип, с визгом отскочила и поспешно удалилась. Потом был случай с любопытной чёрной вороной, искавшей что-то на разбитом замусоренном тротуаре, но явно проявлявшей интерес к одинокому цветку. К счастью, резкий порыв ветра с силой ударил по зазевавшейся воровке и, подхватив её, унёс высоко в серое небо. Случались и другие мелкие неприятные инциденты, но со временем они стёрлись из памяти цветка. Он знал одно: сама судьба благоволила к нему.

Он рос, с каждым днём с жадностью впитывая редкие лучи света, пробивавшиеся сквозь крону нависшего над ним старого дуба. Лепестки цветка наливались ярко-сиреневой краской, стебель украсили редкие, но острые шипы, а листья покрылись мягкой щетиной из полупрозрачных волосков. Нежно-салатовый оттенок постепенно преобразился, становясь изумрудным. Все эти метаморфозы вселяли в цветок всё больше уверенности в его особенном предназначении. Ни сильные порывы ветра, ни ливни — ничто не могло его согнуть, он чувствовал, как его маленькие корни прорастают всё глубже и с удвоенной силой впитывают живительную влагу земли. Шли дни, а цветок ждал, когда сможет выполнить свою пока неизвестную, но важную миссию.

* * *

— Мама, мама, посмотри, я еду! — воскликнула сидящая на большом двухколёсном велосипеде девочка. С разбитыми локтями и коленями, она была на грани разочарования в собственных силах. Две недели тренировок не давали никаких результатов, вплоть до сегодняшнего дня. Однако вот уже три круга велосипед неукоснительно подчинялся девочке, перестав ежесекундно падать на бок.

— Мама, можно, я прокачусь по нашему району? — смеясь, закричала она, быстро удаляясь от дома. Ветер растрепал аккуратно заплетённую косу, щёки девочки раскраснелись, но её глаза светились таким счастьем, какого не увидишь в глазах взрослого человека.

— Ура!!! — пропела девочка, прибавляя скорость. Как приятно было мчаться по мостовой всё дальше и дальше, словно птица, ловящая потоки воздуха и парящая над всеми этими домишками в пригороде, выкрашенными в яркие цвета, с ухоженными лужайками и подстриженными кустами.

Улицы были пустыны, был самый разгар рабочего дня. Домохозяйки колдовали на своих кухнях, малыши спали послеобеденным сном, лишь пара ленивых собак пролаяла из своих будок девочке вслед.

Пара по улицам на своём новом блестящем велосипеде, девочка не замечала, как летит время. Вот уже прибавилось машин на дорогах. Погруженные в свои хлопоты пешеходы после тяжёлого рабочего дня разбредались по домам, а запыхавшаяся, немного вспотевшая девочка пулей влетела во двор. Бросив велосипед на лужайке, с торжественным, но немного испуганным выражением лица она вбежала в дом, ещё во дворе почуствував запах приготовленного ужина.

— Мама, не злись, но это так прекрасно! — дрожащим от переполнявших её чувств голосом произнесла девочка и побежала мыть руки в небольшую ванную комнату на втором этаже, на ходу снимая кроссовки и швыряя их в угол прихожей.

А маленький гордый цветок, застрявший между спицами велосипедного колеса, с потухшим взглядом и разбитыми надеждами медленно увядал среди прекрасных цветов, растущих в саду у красивого уютного дома.

Милена Антонова

Родилась и живёт в Вильнюсе, окончила Вильнюсский технический университет, автор коротких рассказов, соучредитель и член вильнюсского общества авторской и народной песни «Прикосновение музыки». Это её первая публикация в периодическом издании.

ПИСЬМО

Эльвира, мама двух дочек и любящая жена, спешила с работы домой. Дома её ждали голодный муж, лежащий на диване, и голодная младшая дочка, лежащая на папе. Старшей дочке было семнадцать и она уже умела самостоятельно залезать в холодильник. Влетев в квартиру, Эльвира поздоровалась с тишиной, скинула пальто и заглянула в комнату старшей. Там было пусто. Зайдя во вторую комнату, Эльвира увидела то, что и ожидала — папа Лёша лежал на диване с пивом и читал рыболовный журнал, а дочь Даша сидела на папе, пытаясь открыть банку баклажанов, и смотрела телевизор. «Привет! А где Юля?» — спросила Эльвира, открыла баклажаны, вытерла пыль, вымыла пол, отняла у мужа пиво и выключила телевизор. «Там!» — ответила Даша, жалея обезпивенного отца. «Там!» — обиженно подтвердил Лёша, жуя дочкины баклажаны. Эльвира вздохнула, снова пошла в комнату к старшей и через пару минут оттуда раздался вскрик и звук падающего тела.

Прибежавшие Лёша с Дашей увидели лежащую на полу без чувств Эльвиру. Даша заревела, Лёша помчался на кухню за водой, не забыв вернуть себе отнятое пиво, но вода не понадобилась — Эльвира пришла в себя, поднялась, села в кресло и протянула мужу какой-то листок. «Прочти этот ужас...» — прошептала она и прижала к себе Дашу: «Господи, что делать-то?». Лёша взял листок и начал чтение, в процессе которого бледнел, краснел, хватался за сердце и за пиво, а в конце даже сходил в холодильник за второй бутылкой. Дочитав, он отдал листок обратно жене, сделал большой глоток и сказал: «Молодец Юля, без ошибок пишет...» «Какие ошибки!!! Делать что-то надо, ехать куда-то, а ты пиво пьёшь!» — Эльвира от возмущения тоже плотнула Лёшину пиво и глаза её повлажнили: «Это же кошмар... Доченька моя...» «Я пока съезжу, а ты до конца дочитай» — ответил Лёша и пошёл в прихожую. Через секунду хлопнула входная дверь, а Эльвира вновь начала читать. «Дорогая мамочка!» — так начиналось это письмо:

«Дорогая мамочка! Обращаюсь только к тебе, потому что в нашем доме читать умеешь одна ты. Прости меня, дорогая мама! Я уехала со своим любимым человеком. Если б ты его видела, ты бы меня поняла. Он прекрасен, он мой принц. Мне нравится в нём всё — смуглая, даже не смуглая, а иссиня-чёрная кожа, пирсинг в носу и в ушах, его велосипед, даже его привычка постоянно нюхать кокаин. Эту его привычку, кстати, я переняла. Но дело не в этом. Я беременна, дорогая мамочка, и Мгонбва — так зовут моего суженого — сказал, что рожать лучше на его родине, на берегу озера Бангвеулу, в окружении родни и других, более опытных его жён. Там, на берегу этого озера, стоит его деревня, в которой живут только родственники. Они ловят рыбу, торгуют оружием и наркотиками, воюют с правительственными войсками и грабят туристов, короче, живут интересной и насыщенной жизнью. Мгонбва сказал, что белые женщины там очень ценятся и, если я понравлюсь Вождю (это его дядя), он заработает много денег и часть вышлет вам. Что бы понравилось дяде я сделала себе две татуировки — огромного бегмота на груди и православные купола на спине, на память о родине. Мой Мгонбва уже дал мне новое имя — Вирврухана Удуаква, что в переводе значит «белая женщина с бегмотом на груди и куполами на спине». Кстати, мамочка, я там буду не одна белая, там есть Лера из Кишинёва. Вчера, правда, она умерла от СПИДа, но перед смертью просила мне передать, что я тоже буду счастлива. Единственное, мамочка, ты не сможешь увидеть своих внуков, потому что там высокая детская смертность, из десяти детей выживают двое, и одного сразу продают в рабство куда-то в Латинскую Америку, а второго, конечно, никуда из деревни не отпускают. И ещё — вчера меня укусил любимый паук Мгонбвы, сразу разболелась и распухла нога. Мгонбва сказал, что как только мы доберёмся до его деревни, ногу мне отрежут...»

Вот на этом месте Эльвира и упала в обморок, не дочитав. А заканчивалось письмо так:

«Р. S. Мама, успокойся, я пошутила. Я в гостях у Наташи, на 6 этаже. Просто я хочу сказать, что в жизни есть вещи важнее, чем твоя прожжённая шуба, которую я без спроса одела на дискотеку. Если ты меня простишь и не будешь ругаться, то позвони, пожалуйста. Твоя дочь Юля».

Опять хлопнула входная дверь и в комнату зашли улыбающийся Лёша и виноватая Юля. Конечно, Эльвира не ругалась. Конечно, шубу случайно прожгли курящие старшие мальчишки. Конечно, она простила это дочке, «к тому же мне давно пора покупать новую, да, Лёша?». Лёша сразу улыбаться почему-то перестал, но на это внимания никто не обратил и вся семья села ужинать. Женщины, включая Дашу, о чём-то мило щебетали, лишь глава семьи молчал,пил официально разрешённое по поводу будущей новой шубы пиво и что-то подсчитывал. А ложась спать, Лёша спросил у жены: «Когда Юле восемнадцать будет?». Получив исчерпывающий ответ с лёгкими оскорблениями, Лёша, не обращая внимания на колкости, сказал: «Надо сразу замуж её отдать. За хорошего русского парня. Пусть шубы ей покупает.» «А-а...» — сонно ответила Эльвира: «Я думала, что за Мгонбву... Там, в Африке, тепло, шубы не нужны...». И она заснула. И если Эльвире снились меха наВДНХ, магазин «Снежная королева» и меховая ярмарка на «Тульской», то у Лёши сон был сложнее. За ним, с копьём наперевес, всю ночь бегал загадочный Мгонбва. Из одежды на нём была только женская шуба с болтающимся ценником, который Лёша никак не мог рассмотреть. На берегу озера Бангвеулу Мгонбва догнал Лёшу и вонзал копьё ему в грудь. Потом появился Вождь, отрезал Лёшину ногу и кидал в котёл с кипящей водой. Было больно, Лёша просыпался и долго курил на кухне.

А в выходные Лёша с Эльвирой поехали покупать шубу. Та единственная, о которой Эльвира мечтала всю свою жизнь, попала им только через семь часов неустанных поисков и на другом конце огромного, увешенного мехами рынка. Измотанный Лёша взглянул на ценник и... Поездка на рыбалку в Астрахань отменялась. «Ну, может, он скинет...» — прошептала всё понявшая Эльвира и кивнула на продавца: «Поговори». Лёша поднял голову и замер. Под вывеской «Шубы из Сибири» стоял Мгонбва из его сна, только без копья и в нормальной одежде. У Лёши заняла пронзённая во сне грудь, заболела отрезанная там же нога и из лексикона исчезло слово «толерантность». В принципе, его, этого слова, там никогда и не было...

Шубу они всё-таки купили. Мгонбва сначала согласился на это имя, потом перестал обижаться на резкие Лёшины заявления по поводу «где родился, там и пригодился», к тому же сделал им большую скидку и, выслушав историю про Юлино письмо, пообещал никогда не увозить русских девушек в Африку. Лёша успокоился, политкорректно назвал Мгонбву «афросибиряком», тот, со своей стороны, угостил Лёшу настоящим африканским пивом в бутылке из-под «Балтики», поговорил с ним о рыбалке и, что бы доказать свою любовь к России, спел «Летят перелётные птицы». Лёша в ответ затянул «Я шоколадный заяц...» и Эльвире стоило больших трудов оторвать его от прилавка. А когда довольные Лёша с Эльвирой уходили, Мгонбва долго смотрел, качая головой, им вслед и думал: «Странные эти русские. Уже и про озеро Бангвеулу знают, и про моего дядю Вождя знают, даже про моего паука знают, а норку от крашеной кошки отличить не могут... Великая, гостеприимная и богатая страна!» И Мгонбва пошёл звонить родственникам, что б срочно приезжали помогать ему в шубном бизнесе.

А норку от кошки Эльвира всё-таки отличила, но уже дома. Они долго потом искали Мгонбву, но, конечно, не нашли. Как известно, афросибиряки они все на одно лицо. Хотя Лёша изредка встречается с ним в своих снах об астраханской рыбалке. Правда, рыбалка эта происходит далеко от Астрахани, на берегу озера Бангвеулу и в окружении красивых чернокожих девушек в шубах. А в конце рыбалки девушки шубы снимают и... Но тут Лёша обычно просыпается и идёт в туалет.

Илья КРИШТУЛ
г. Москва

Геннадий Лагутин

Образование высшее – факультет режиссеров ТВ Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии имени Н.Черкасова. Родился в Брянской области. Имеет Государственные и Правительственные награды РФ, награды общественных организаций и Русской православной церкви. Прозаик, член Международного Союза писателей «Новый современник». Член Союза журналистов СССР с 1969 года, Союза журналистов России с 1993 года. Лауреат многих литературных конкурсов, печатался в различных периодических изданиях и литературных сборниках. За литературную деятельность награжден медалью им.Ф.М. Достоевского «За Красоту, Гуманизм, Справедливость» и «Звездой Ампары» за победы в конкурсах фантастического рассказа. Выпустил книги рассказов «Острова моей памяти» и двухтомник «Белый свет»

Самая большая рыба

На окраине затерянного в казахской степи городка извилисто тянулся овраг, по которому текла маленькая, кишашая ужами и другими водяными змеями речка. Ее перегородили когда-то высокой земляной плотиной, и получился пруд, со временем заросший по берегам карагачем.

Тогда он был еще мальчишкой, бегал в рваных штанах, на которых вместо верхней пуговицы была самодельная застежка из мягкой проволоки и босиком.

В ту пору для него уже кончалось детство и начиналось отрочество. На рыбалке он уже не довольствовался дюжиной пескарей или ершей, пойманных прямо у берега на кое-как сгоношенную удочку.

Старые и опытные рыбаки на этом длинном и узком пруду – на этом самом обычном по виду пруду, удочками же, ловили здоровенных золотопузых сазанов и больших маринков, похожих на живые подводные стрелы – так стремительны были они в родной стихии. Бывалые рыбаки обзаводились удильщиками длинными, метра по три, уловистыми.

Конечно, и он бы мог сделать такое удильще: выстругать круглую длинную палку из обрезка доски и нарастить ее прикрепленным гвоздями и проволокой молодым топольком. Но где взять его в степи, это тонкое, высокое и гибкое дерево? Не воровать же в питомнике, что рядом со стадионом на окраине городка.

Старики ловили и на червя и на сырой хлебный мякиш, в который они закатывали крючок (насадка походила на хлебную каплю), ловили на кузнечиков и особым образом сваренные зерна кукурузы. Но дело было не в этом – они знали, где рыбачить. Идёт, идет вдоль берега рыбак с шестами – удочками на хилом старческом плече и неизменной брезентовой сумкой, курит махру и как будто на воду не смотрит. А потом остановится, затахнет и принимается за дело. Лески у таких рыбаков были почему-то без поплавков и без грузил. И не любили они, когда кто-нибудь был рядом, с шипящей руганью гнали прочь болельщиков и просто любопытных.

У берега росли камыш и осока, розовым ковром стлались плавающие на поверхности водоросли (цвели они до самых заморозков розоватыми цветками, похожими на торчком стоящие сережки). И среди этой растительной путаницы, или в развоях рядом с ней, порой играла заветная рыба.

Профессора своего дела находили в зарослях такие места, где крючок ни за что не цеплялся и рыба цапала его на неожиданно попавшийся жирный корм. И счастливый рыбак, кажется, без особого труда, словно бы враз прирученную, подводит ее к берегу и вытаскивал из воды прямо к своим ногам.

Он присматривался, думал и придумал. Только начало рассветать и окна чуть-чуть прояснились, он уже проснулся. Тихо оделся, чтобы не будить родителей таким ранним пробуждением, взял заранее припасенный узелок с едой, вылез в окно и закрыл его. С крыши сараюшки достал удочки и поспешил меж хибарок и домишек на дорогу к пруду (торопился от нетерпения испытать придуманное и не хотел, чтобы его видели сверстники, тоже отъявленные рыбаки). Дорога к пруду была не близкая, мягкая и теплая от пыли, и тишина наступающая

го утра, безоблачность расцветающего золотистыми лучами горизонта, прямо-таки гнали его вперед, как попутный ветер парус, и он почти бежал, не желая ни с кем встречи.

Бегом, купая босые ноги в росной траве, он спустился к берегу, прямо к тому месту, которое облюбовал заранее. До этого он слышал, как среди этих розовых цветков на плавающих листьях чмокали губами, как воздух пробовали сазаны, резко выпрыгивали из воды, словно от щекотки, и шлепались снова в родную купель. Он дрожал, когда раздевался, но не от холода, а от того, что должно произойти. Насадил на крючки жирных червей, осторожно поднял обе удочки с распущенными лесками высоко над головой и вошел с ними в воду. Когда теплая, не остывшая за ночь вода, коснулась подбородка, он положил одну удочку на воду, леску другой забросил на всю длину, а удилище, медленно погружая, воткнул в мягкое дно так, что виднелась только его тонкая верхушка с косо натянутой, утопающей леской. Так же он поставил и вторую удочку и бесшумно вышел на берег. Теперь, торопливо одеваясь, он уже дрожал от озноба – мокрое тело, обдуваемое легким ветерком, мерзло. И глядел на макушки удочек, как до этого лип глазами к поплавкам. Но они были тихи, а лески, утонув, обвисли. Согреваясь, он сел на траву, поджав под себя ноги и сцепив руки. То ли холод, то ли одиночество среди этой утренней тишины отвлекли его от воды, и он всё чаще поглядывал туда, откуда должно было выкатиться на свою извечную дорогу теплое солнце. Без него ему становилось уже скучно, даже лягушки кричали будто через силу.

Он не сразу понял, что это такое – будто кнутом легко и часто били по воде. Взглянул в сторону звуков и обмер: по воде бил конец одного из его удилищ. Он содрал с себя рубашку, бросил ее. Когда снимал штаны, ободрал до крови проволокой – пуговицей живот и не почувствовал этого. Бросился в воду, ничуть уже не сторожась и не боясь, что распугает рыбу. А удочка уже плыла от берега на глубину. Несколькими сильными бросками он догнал ее, схватил за конец и потянул к берегу. Но рыба, основательно заглотившая крючок, упорствовала так, что ему с трудом удалось податься назад. Коснувшись ногами дна и задирая голову, чтобы не хлебнуть воды, он стал тянуть за удилище и по мере того, как оно медленно ело в руках, добираясь до лески – он теперь боялся одного - тонкий конец удилища мог обломиться...

Кое-как дотянул до себя леску, схватился за нее обеими руками и стал тянуть. Леска напряглась как струна и готова была вот-вот лопнуть. Громадный, по его мнению, сазан (только он так мог сопротивляться) рвался с крючка с такой яростью, что вода над ним кипела и всплескивалась, но сама рыба еще ни разу не показалась, словно понимая, что настоящий воздух для нее – смертельный яд.

Забыв обо всем, он тянул леску, стоя по грудь в воде, с упорством одержимого. Толстая, она дрожала и, кажется, даже звенела.

И вдруг так внезапно ослабла, что он не удержался на ногах и окунулся с головой. Будто тянул неподатливый корень солодки, который неожиданно оборвался. Сообразив, что случилось страшно,

он вынырнул и, глотая слезы, стал выматывать из воды обвисшую леску. Нет, она не оборвалась. Что же случилось, почему ушла рыба? И вот показался конец лески с крючком, похожим на тщательно выпрямленный кусочек проволоки – он, надежный с виду, разогнулся...

Какой же величины была рыба, если она разогнула крючок? Правда, тот мог быть и не накаленным, но ведь сила у рыбы – что у самого крокодила, не уступила рыбаку ни шагу в борьбе.

И он плакал тихо, с неудержимой обидой и на рыбу, и на себя, не сумевшего ее удержать, и на всё это утро, сразу ставшее чужим и неприветливым, с маленьким, как тарелка, солнцем (а когда выкатывалось на небо, – казалось целым огненным шаром). Так, с мокрым лицом от брызг и слез, он выдернул вторую удочку, вернулся на берег. Одеся, поел хлеба с огурцами и как будто забыл про неудачу.

За кромкой розового ковра из водорослей играла рыба, выпрыгивала из воды, взблескивала на солнце и мокрым серебром шлепалась обратно. Иногда так близко от водорослей, что те шевелились, будто их дергали под водой за длинные стебли. Он поспешил домой, придумав другую уловку для этих больших, хитрых и упрямых рыб. Завтра же утром поймает одну из них.

А сейчас только бы не встретился никто из друзей: начнутся расспросы, почему он так рано возвращается с рыбалки и с таким видом, будто его напугало какое-то водяное страшилище. Но ему никто не встретился, и он вернулся домой, уже успокоенный тем, что завтра все-таки будет удача.

Так уж велось тогда у них, мальчишек.

Колдобина в небольшой речке, вертящейся меж глинистых берегов, рядом с семейством крупных пескарей, держалось в тайне ее первооткрывателями, пока не вылавливалась рыба. Так же засекречивались кучи старого навоза с россыпями шампиньонов. А как же иначе – только проболтался об открытии, и вмиг начнется опустошение. Только арбузы с колхозных бахчей воровались сообща и компаниями совершались дальние походы, где число участников напоминало войско – чем больше, тем безопаснее вдали от дома.

Он сменил крючки на удочках, поновому привязал их, проверил лески и с нетерпением, похожим на болезнь, стал ждать нового утра, но чем бы ни занялся, тут же все бросал. Только огород помогал поливать матери с таким усердием, что та удивилась и заметила:

- Что-то ты разработался, сынок? Уж не набедокурил ли где-нибудь?

Он промолчал и носил воду из речки на огуречные грядки до тех пор, пока мать не сказала:

- Хватит, пойдем отца встречать. Так и быть уж, выпрошу у него денег тебе на кино.

Новое утро своей начавшейся ясностью обещало быть лучше вчерашнего, и он отправился на рыбалку, как в поход с кровососами, о которых знал только он. О, от надежд кружилась голова и все вокруг жило только для него.

От сероватой водной глади пруда исходил к прохладному проясняющемуся небу сизый туман, и только лягушки, орущие всегда и без всякого повода, уже горланили в этой полной радости тишине. Он на цыпочках подошел к вчерашнему месту, разматал и приготовил удочки, разделся. Держа их над головой с опущенными лесками, на концах которых извивались наннзанные на прочные новые крючки мясистые черви, тихо вошел в липкие, ослизненные заросли водорослей. Шел осторожно, боками раздвигая водяные стебли, а ногами нащупывая свободные места между ними. Когда розоватые надводные метелки уже щекотали ему грудь, и рядом была чистая и глубокая вода, он легко забросил туда лески, а удилища положил на этот плавающий, однообразно расцветочный луг.

Так же бесшумно, сдерживая дыхание, вышел из воды и сел на одежду. Светлело небо в стороне восхода, и оттуда потянул прохладный ветерок. Мокрое тело стало зябнуть, и он оделся, не спуская глаз с удочек.

Рыба, истомившаяся за ночь в лени, начала резвиться. То и дело оттуда, из ровной сероватой глади воды, вырывались большие рыбины, показывали свою силу и бултыхались обратно. И совсем близко от удочек, так близко, что он оцепенел от ожидания.

Он не слышал, как сзади подошло стадо бычков, увидел их воинственно настроенных, сильных и рогатых, уже рядом. Некоторые грозно мычали, наклонив лобастые головы, царапали копытами землю и зло поглядывали на него. Он замахнулся на ближних узелком с едой, но они не испугались, заколотили себя хвостами по бокам и двинулись на него. Он испугался и рванул вверх по крутому склону оврага, подальше от этих забывчившихся страшилищ.

Бычки, воинственно размахивая хвостами и грозно мыча, обнюхивали место, где он только что чувствовал себя хозяином. Запах, вероятно, казался им подозрительным, и они взрывали землю копытами, выбивая из нее пыль. И в этот непредвиденный момент одна из удочек закачалась на своем плавучем помосте, отчего и весь он, будто встревоженный ветром, заколыхался, подаваясь то в одну сторону, то в другую...

А бычки не уходили, они словно издевались над ним, не допуская его к берегу. Но вот появился пастух, крикнул что-то и щелкнул, как стрельнул, кнутом. И бычки, разом присмирив и опустив хвосты, потрусили дальше вдоль берега.

Он поспешно спустился к самой воде, содрал одежду с еще не просохшего тела и уже без всякой осторожности, разрывая руками и телом цепляющиеся за него водоросли, пошел к удочке. Она лежала спокойно, как длинная палка. Он уже решил, что рыба совсем не трогала крючок, а просто дурочилась рядом и баламутила воду, когда впервые увидел такого большого сазана. Тот лежал неподвижно боком на водорослях, уставившись в бездонность неба круглым, как копейка в желтом обводье, глазом и шевелил жабрами, глотая ими чуть покрывающую его воду. А в губастом рту его торчал крючок, и от него путалась завитками леска. Все было ясно: сазан схватил червяка, нацепился на крючок и метался с ним во рту до тех пор, пока не обессилел и не всплыл среди предательских водорослей, подобно освобожденной доске.

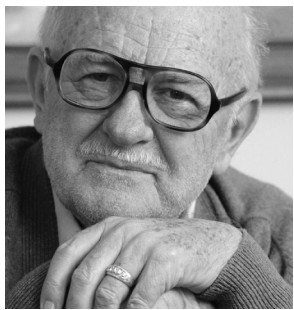
- Ага, попался! – закричал он и в порыве неудержимой радости схватил толстое и упругое тело сазана.

И случилось непредвиденное: сазан, закованный в серую чешую со спины и светло-золотистую на брюхе, вдруг сильно, как распрямившаяся пружина, взбрыкнул и вырвался в воду. И тут же исчез, будто и не было его совсем. Рыбак упал на водоросли, начал шарить в них руками, схватил леску, легкую, как нитка, и потянул. На конце ее увидел распустившийся узел и медленно, но правильно, до слез определил: пока сазан дергал леску, она, казалось бы, накрепко привязанная к петле в крючке, распуталась. И сазану не стоило больших усилий сорваться с нее и уйти вместе с крючком во рту...

С тех давних, но часто выплескивающих из памяти дней, время протянулось серебристой пылью. И всякая рыба ловилась на всякие удочки, но уже не попадались самые большие рыбины, которых он не сумел поймать, будучи подростком. И никогда уже не поймает, потому что не вернется детство.

А кончилось оно, как памятная рыбина с крючка сорвалась: когда он пришел домой, мать встретила его небывалыми слезами – началась война, и отец получил повестку от военкомата.

В детстве бывает все самое большое и потом уже большого не бывает.

Евген Навлянский

Взрослые и ведать не ведали о забавах своих детей...

То, послевоенное лето, было засушливым. Прекрасный лик земли искажала мучительная боль, а с ее разверстых уст, высохших и почерневших, уже готовы были сорваться страшные проклятия прямо в лицо бездумному, красивому лазурному небу. Травы пригибались к земле, точно искали спасения от враждебного палящего солнца под кровом собственной своей тени. Деревья высыхали, роняя свои листья, стояли голые и убогие, и казалось, что это дети нарисовали их прямыми линиями на доске.

Люди были немногословны и терпеливы. А за столом рассказывали разные случаи военных лет, когда было еще более голодно. Женщины говорили своим детям, чтобы они ели понемногу, как воробышки, и втихомолку плакали. И хоть люди были скупы на слова, всяческие слухи росли и ширились как никогда раньше. Говорили, что в других местах людям живется и того хуже. Что будто идут они себе и идут по проселку, а чуть выйдут на большак, падают как подкошенные. И что в животах у них доктора находят только дубовую кору да комки бумаги.

А Гжесь, который тронулся умом после того, как немцы сожгли всю его родню в сарае заживо, кричал на улице, что ему явилась Пресвятая Богородица и повела, что скоро-скоро упадет в море звезда Полярная и воды обратятся в хмельную полынную настойку, и с шумом выплеснутся на раскаленную землю. И тогда все люди умрут в опьянении, и только дети, не приученные к питью, вступят на лады, спустившиеся с небес, и тем спасутся.

Но дети это не ведали и предавались своим забавам... Началось все с того, что в гости к матери Гоги — Фабрики приехал какой-то, то ли родич, то ли знакомый, который иногда носил зеленые очки. Говорили, что у него глаза болят, оттого надо такие очки носить. Потом он уехал, а очки свои забыл. Их нашел в доме Гога-Фабрика. По правде сказать, у отца-то его прозвище было другое. Был у него в хозяйстве самогонный аппарат. Гнал он самогонку для немцев, что в селе стояли, пока их не погнали. А еще был у отца Гоги-Фабрики сепаратор, который он спер где-то перед приходом немцев. А как пришли советские, отца Гоги увели куда-то военные. Так он до сего и не вернулся и никто не знал, живой он или сгинул уже где-то.

А Гогу стали звать Гога-Фабрика. Так вот, взял Гога забытые очки и вышел в сад, а потом в поле. Там он надел их и вначале просто остолбенел. Все вокруг выглядело иначе, словно он попал в другой мир, и, бог знает отчего, он ощущал повсюду такую тишину, что слышал лишь биение своего сердца. На солнце, от которого раньше он не знал, как бежать, как скрываться, и на которое не смел поднять глаза, теперь можно было смотреть не мигая, как будто это был неподвижный красный шар. А еще он видел нависшую над землей большую тень, из которой, казалось, вот-вот хлынет дождь.

Так он стоял некоторое время, пока ему не захотелось сорваться с места и помчаться вперед в своих зеленых очках. Он бежал, прежде всего, потому, что на бегу ветер забирался ему под рубашку, обдувал лицо, шею и руки, охлаждая его. И ощущение этой прохлады связывалось у него с той большой тенью, что виделась ему сквозь очки, и что предвещало дождь с его тяжелыми каплями. А еще он бежал потому, что видел, что все вокруг зелено: и картофель, и фасоль, и яблочные деревья. Все то, что раньше он видел сухим и белесым, словно посыпанным мукой. И он перебежал от одного растения к другому, чтобы поближе рассмотреть их и потрогать.

В тот первый день Гога бегал, как одержимый, по саду и в поле, пока не до-

бежал до пастбища на Лысом Лугу.

Здесь собирались почти все деревенские ребята от пяти до восьми лет. Они приходили по большей части безо всякого дела, потому что скотины ни у кого не было, а если у кого и была — сама пала от голода.

Дети приходили сюда играть, и Гога дал им поносить очки. Вначале они глядели на солнце, громко удивлялись, потом вдруг срывались с места и мчались от куста к кусту, от орешника к шиповнику. А то и вовсе выбегали за пределы пастбища и оказывались в поле, где росла кукуруза. Они разглядывали отдельно каждый кукурузный початок. Видели, что он зеленый, но, потрогав пальцами, понимали, что он сухой, дивились этому, но не слишком, — они оставляли разгадку этого несоответствия до другого раза, и перебежали к тыквенным плетям, которые тоже виделись им зелеными, но к ним они уже не прикасались, а бежали туда, где росли картофель или фасоль.

Гога бежал вслед за ними и кричал, чтоб они отдали ему очки. А тот, у кого они в тот момент были, начинал упрямиться Гогу, чтобы он дал ему добежать «вон до той осинки или вон до той орешинки». И Гога соглашался. Добежав до назначенного места, временный владелец очков просил дать ему только покружиться, и все. И он начинал кружиться, прижимая пальцами дужки очков над ушами, чтобы они не упали. И кружился до тех пор, пока полосы овса и ржи, фруктовые деревья и дома сами не пускались в зеленый ровод и не сливались с небом, которое тоже было зеленоватым, так что казалось, будто ты накрыт круглым и большим, до самой земли, ореховым листом. И чудилось, что и воздух зеленый, даже бархатисто-зеленый, и его можно взять в пригоршню и раскрошить. И дети протягивали руки, чтобы схватить и размельчить его кончиками пальцев. Тогда Гога-Фабрика, видя, что тот, у кого были очки, уже не придерживает их руками, срывал очки и убегал, чтобы отдать другому.

А тот, кто перед этим кружился, еще продолжал покачиваться стоя, но потом падал на землю, и долго еще у него перед глазами плыли зеленые круги. Упав на землю, он вдруг начинал чувствовать, как болят у него пятки — пока он бегал, в них вонзались всякие шипы и колючки. Но тогда он их не замечал, а почувствовал лишь теперь, и это терзало его, как кара за содеянное.

С некоторых пор дети собирались на Лысом Лугу только для того, чтобы смотреть через очки.

И, когда Гога увидел, что очки в таком большом ходу, он сделался привередливым и объявил, что даст смотреть через очки только тому, кто принесет из дому что-либо съестное: горсть проса или кукурузы. А делал это Гога не потому, что у них дома нечего было на стол поставить, — жили они все-таки в достатке, видимо отец Гоги много припрятал на всякий случай. А все потому, что уж такова была их порода: всюду и во всем искали они выгоду.

И ребята, к удивлению своих родителей, вдруг стали быстро наедаться и выходить из-за стола, когда в миске еще что-то оставалось. Крепко зажав что-то в обоих кулаках, спешили поскорее прошмыгнуть в дверь.

День, когда началась эта история, был такой же, как и все другие дни. И всё же многое в тот день было странным — так, по крайней мере думал Алесь, сын Казимира Станкевича. Прежде всего, почему-то все сели обедать раньше, чем обычно. И потом, когда уже сидели за столом, его отец не стал рассказывать, как во время войны приходилось есть даже яблоневые листья, изъеденные тлей, и как это было вкусно.

Посреди стола стояла миска с похлебкой из лебеды. Они ели, а Алесь с тоской думал, что на столе нет ничего такого, что можно было бы тайком отщипнуть и заплатить Гоге за то, чтобы побегать и покружиться в зеленых очках.

И вдруг отец ласково спросил его:

— А что, сынок, небось давно не ел, как люди-то едят?

Алесь подумал, что отец его просто так спрашивает, и ответил:

— А ты, тятя, будто и не знаешь...

— Да знать-то знаю, да вот в толк не возьму, что ты про то думаешь. Чего б ты хотел съесть больше всего?

Алесь опустил голову, закрыл глаза и стал думать, что ему хочется... Странный тятя, будто сам не знает, что им есть приходилось... И не было в той еде ничего такого, чего б хотелось очень-очень. Ели всё подряд, чтоб только в желудке что-то было. Алесь перебирал в памяти всё, что ему доставалось со стола за его недолгую жизнь, но так и не мог ничего придумать. И вдруг... Его голову словно огнем опалило, и он как наяву увидел: вот мама достаёт из печи жаркий, еще раскаленный каравай ржаного хлеба и в хате пахнет так, что рот невольно заполняется слюной. А потом от каравая отрезают горбушку, она обжигает руки, но он откусывает от нее кусок... Губам горячо, язык обжигает, от запаха хлеба кружится голова... Когда же это было? Алесь и вспомнить никак не мог! Когда-то давно! Неужели это было? Но ведь он помнит... Было, значит!

— Ну, так что, сынок? — снова спросил отец.

Алесь, который все это время сидел с опущенной головой и закрытыми глазами, пролепетал одним губами, боясь, что отец рассердится — откуда бы взяться привидевшейся ржаной горбушке: «Хлеба, тятя!»

Он отчетливо услышал, как в тишине отец скрипнул зубами, встал и громко отодвинул табуретку. Алесь испуганно открыл глаза. Отец стоял у стола, невидящим мрачным взглядом смотрел в столешницу и губы его шевелились, неслышно произнося какие-то слова.

Потом он схватил со стола нож и резко шагнул к печке.

— Не надо, Казимеж! Может, обойдемся? — вскрикнула отчаянно мама.

— Надо! — оборвал ее отец.

Алесь ничего не понимал. Припадая на давно искаленную ногу, отец подошел к печке и стал скрести острием ножа в одном месте, между кирпичами. Мама тихо заплакала. Отец всё скрёб и скрёб между двумя кирпичами печи, слышно было только, как дзинькала сталь ножа. И вдруг на пол что-то упало и покатилося. Отец подобрал это с пола и стал отчищать подолом старой рубахи.

— Вот смотри, сынок! — протянул он руку в сторону Алеся.

На отцовской заскорузлой ладони лежал желтый кружок — монета.

— Этот злотый, сынок, еще твой дед сюда заложил. А получил он его от пана Касимского, когда сына его спас из реки! Меня тогда еще на свете не было.

И отец вышел на улицу. Мать все так же сидела, закрыв лицо руками, и всхлипывала.

Алесь видел, как около отца на улице остановился один мужик, потом второй, третий... Они о чем-то говорили, спорили, размахивали руками. Алесь посмотрел на печку, где теперь на белой известковой поверхности зияла коричневая щель. Смотреть было не очень приятно, потому что от щели тянулся вниз по побелке красноватый след кирпичной пыли. Все это напоминало рану с кровью, и Алесь отвел глаза.

— Анна! Пиджак подай мне! Мы с мужиками до города подались!

Мама сорвалась с места, сдернула с гвоздя отцовский пиджак и выскочила в сенцы.

Алесь встал и снова поглядел в окно. Мужики, человек пять, продолжая о чем-то спорить, уходили в сторону большака.

— Мам! Я гулять! Ладно?

— Иди уже! — раздалось в ответ.

Алесь выскочил в сенцы, где мать сушила ему в руку большую вареную картошку, еще теплую. И он отправился на Лысый Луг. Там собрались все ребята, и почти все принесли то, что требовал Гога. Вскоре пришел и он сам. Все столпились вокруг него, и каждый показывал то, что принес. Но Гога отстранил их.

— Сегодня буду смотреть только я. А вы будете ходить за мной и спрашивать, как что выглядит, и я вам буду отвечать. Пошли к реке! — И Гога помчался через поле. Все побежали вслед за ним. Те ребята, которым только раз удалось взглянуть через очки, спрашивали:

— А какая кукуруза у дяди Рудовича?

— Зеленая.

— Неужели, зеленая? — не верили ребята, глядя на белые поникшие листья кукурузы.

А те, которым ни разу не удалось посмотреть через очки, сомневались еще больше.

— Побожись!

— Вот ей-богу!

Потом, уже в другом месте:

— Ну, а фасоль у дяди Цибулянского?

— Зеленая!

— Да неужто?

— Зеленая!

— Побожись!

— Ну, ей богу!

И дальше:

— А конопля у дяди Шипулинского?

— И она тоже.

— Скажи, пусть отсохнут у меня руки и ноги!

— Пусть отсохнут у меня руки и ноги!

Так продолжалось, пока дети не побежали к реке. Здесь они остановились. Вода в реке высохла — не река унесла ее, а засуха. И ребята брали камни с высохшего дна и шли с ними к Гоге. Особенно те, которые никогда не смотрели через очки.

— Ну, какой он?

— Зеленый.

— Надо же!

И все в том же духе.

Вот тут Алесь и увидел в россыпи этот камень. Он был зеленого цвета. Он зажал его в кулаке и отнес Гоге.

— Ну и какой он?

— Зеленый?

— Да как же не быть ему зеленым, если он и без очков зеленый? Так я и думал, что с этими очками дело нечистое.

Все ребята засмеялись. По правде говоря, Алесь поступил так потому, что хотел насолить Гоге, — он знал, что тот ни за что не даст ему очки. Гоге показалось, что ребята потеряли веру в очки, и он сказал:

— Кто принес то, о чем я говорил, пусть берет очки, пока мы дойдем до деревни.

Марик, сын дяди Кружинича, протянул ему узелок с кукурузной мукой и взял очки. Все устремились за ним.

— Ну, что?

— Зеленый.

— Неужто зеленый?

— Зеленый.

Через некоторое время Гога взял у него очки и отдал другому. И тот, у кого он отбирал очки, бежал позади всех, словно отбившийся от стада, и уже ни о чем больше не просил.

Так бежали они кружным путем, пока не добрались до Мумасовой горки.

И здесь они остановились как вкопанные. Все почувствовали, пока бежали вверх, к вершине горки, на которой теперь стояли, едва заметное дуновение ветра. И этот ветер донес до них из деревни запах... хлеба!!! Они этого запаха давно не слышали. Видно, кто-то уже разучился печь хлеб, и у кого-то подгорело, но это был он, знакомый запах ржаной горбушки.

И тут многие ребята вспомнили, что говорили их отцы перед тем, как уйти в город. Они замерли, словно пораженные громом, — только ноздри у них раздувались.

Эта неподвижность и немота длились всего несколько мгновений. Опомившись, они дали такого стрекача, точно их подгоняли крапивой. Очки в это время были у Павла, сына тети Марии. И Павло совсем позабыл о них. Очки свалились у него с носа, а он даже не остановился их поднять. И все, кто бежал за ним следом, не замечая этого, топтали их ногами, пока от очков не остались одни осколки. Алесь, который бежал последним, на самой вершине горки нашел половину оправы с кусочком цветного стекла. Но запах хлеба манил его всё сильнее и он швырнул на землю половинку очков и, не помня себя, стал с гиканьем отплясывать на том месте, где они лежали. А потом, всё с тем же гиканьем помчался в деревню, раскинув руки в стороны и гудя, как самолет, — ему казалось, что так он скорее попадет домой.

И только Гога-Фабрика, который не почуял ничего необычного в том ветре, что дул со стороны деревни, не поняв случившегося и с плачем стал подбирать осколки своих очков.

Презентация художественно-поэтического альманаха «Чаша»

30 мая 2012 года пресс-центром «Vita» музея художественного творчества «Омские родники», носящего имя

Аркадия Кутилова, гениального поэта XX столетия, была проведена презентация художественно-поэтического альманаха «Чаша». Руководитель проекта и главный редактор альманаха Арзамасцева Нэлли Алексеевна представила авторам и гостям, собравшимся в зале, новую книгу.

В своем выступлении она рассказала:

– Музею художественного творчества «Омские родники» в 2011 году исполнилось 10 лет. В музее три зала, один из которых – «Поэт и художник Аркадий Кутилов». Этот зал был открыт 30 мая 2009 года.

Музеем ведется большая поисковая деятельность. По крупицам собирается творческое наследие народных мастеров

Омска и Омской области. Особая работа музея – это собрание творческого наследия Аркадия Кутилова и его популяризация.

В 2011 году найдено наконец-то место захоронения поэта.

Альманах «Чаша» – это третья книга, выпущенная музеем. Книжки «Ромашка» и «В детстве все до мелочей» – факсимильное исполнение произведений Аркадия Кутилова.

В альманахе «Чаша» представлено творчество авторов из разных регионов России.

Это – творцы земли Омской: поэты, писатели, художники, фотографы. Это – авторы с большим писательским опытом, студенты, с первой пробой пера; достаточно места уделено и детскому творчеству.

Украшением альманаха служат творческие находки наших друзей, которые с удовольствием приняли участие в альманахе. Это Сергей Пашков – из республики Карелия; Татьяна Строганова – из Челябинска; Дина Лебедева – из Петрозаводска; Владимир Положенцев – из Тульской области.

В альманахе также представлено творчество омского поэта А.П. Кутилова. Некоторые произведения печатаются

впервые.

Композиция альманаха является в своем роде, новаторской: произведения разных авторов создают единый цикл, сформированный по смыслу. Это книга-мозаика.

Основные рубрики альманаха:

1. Поэзия и проза
Узелки памяти
Творческая карта Омска
Фантастика
2. Поиски, находки, исследования
Тайны писательства
Лингвистика
Познай себя
3. Был в Сибири поэт...
Вспоминая Аркадия Кутилова
4. Искусство кисти плодотворной
5. Детства золотистый свет
6. Остановись, мгновение!
7. Послесловие к альманаху

Презентация «Чаши» вылилась в театрализованное представление. Открыл праздник хореографический ансамбль «Коллаж» танцем «Полнолуние», сразу задавший высокий эмоциональный настрой...

Плетеные столик и кресла, горящая свеча создали неповторимую поэтическую атмосферу...

В исполнении автора Владислава Цоя прозвучала «Увертюра» к альманаху:

**Какая сила, многогранность,
В священном слове ЧАША есть!
Она притягивает странно,
Она таит любовь и честь!..**

И заканчивает выступление он словами:

**Свой Альманах хотим представить
Искусной кистью и строкой.
И с чашей творчества поздравить
Сей юный первый выпуск свой!**

Поэты Александр Бекишев, Дмитрий Соснов, Александр Александров, Алла Ваганова читали свои произведения, звучали стихи Аркадия Кутилова необыкновенной красоты и звучания, исполнялись песни на его стихи в исполнении бардов Нasti Таракановой, Александра Бондарева.

Вдовой художника В.И. Бичевого Надеждой Дмитриевной и молодым художником Никитой Поздняковым в честь десятилетия музея были подарены картины.

Редакционный совет во главе с В.В. Барыбовым планирует издать второй номер альманаха ко Дню города Омска в августе этого года

Ксана
БАШКИРО-

Тамара Львова

Родилась в селе Ермак Нововаршавского района Омской области. Закончила медицинский колледж. Первые стихи написала в 10-летнем возрасте. Поэзия пришла сверхчувством, обособленно, осозналась неким иным, более смелым, более откровенным миром, где душа нашла своё право быть искренней в стихах. С 1998 года член Московского литературного объединения «Вишняки». Её произведения публиковались в московском журнале «Литклуб» и ряде поэтических сборников, таких как «Перовские страницы» (Москва), «Твой мир велик и многолик...» (Ханты-Мансийск), «Няганские родники» (Нягань).

В 2004 году появился первый сборник её стихов «Серебряные кружева». В феврале 2007 года в московском сборнике 4-х авторов «Странствия» опубликовала две поэтические работы: тексты песен к пьесе Э.Ростана «Шантеклер» и «Космогония». А в августе 2007 года вышла в свет вторая книга «Дневники поэта». В этой книге проза и поэзия слились воедино, где чувство и мысль переплелись в яркое «литературное произведение».

В июне 2008 года вышла в свет «Книга Ноэль», где Тамара Львова поэтизированным языком передаёт миру свои исследования в Ангелологии, в виде апокрифа и огненных лад. В 2010 году появился сборник миниатюр и стихов «Осмысления».

**Выпита горечь в Иисусовой Чаше,
Выпита друг мой, до дна.
Ангелы с неба приветливо машут,
Даль неземная видна.**

**Духом прозрела, а телом болею –
Камень стучится в крови.
Сердце от горечи деревенеет –
Стонет о новой любви.**

**Горечь в Иисусовой Чаше допита,
На крест бы тело покласть...
Что ж в моей жизни нелёгкой, разбитой
Чаша Христова далась?**

Иван Соснин

Родился 29 июня 1975 в г. Тюкалинске Омской области. В три года с матерью и старшим братом уехал на Кавказ, в г. Тбилиси. Детство прошло в военном городке, в атмосфере обиденной героини, вобравшей в себя встречи с «афганцами», лётчиками, солдатами, охранявшими жителей от разгула грузинских сепаратистов. В июне 1989 вынужденно вернулся в Омскую область, окончил среднюю школу, поступил в сельхозтехникум, но через полгода забрал документы. С 1994 по 1996 гг. служил в ракетных войсках стратегического назначения. После армии переехал в г. Омск, женился, освоил несколько профессий, необходимых для выживания в условиях рынка. В настоящее время воспитывает двоих сыновей, работает в структуре МЧС. В 2004 году вышла первая публикация в коллективном сборнике «На первом дыхании», через год – в журнале «Омск» и сборнике «Моё имя». Печатался в журналах «Пиллигрим» (2009 г.) и «День и Ночь» (2010 г.).

**Где небо дрожит на нагретых камнях,
и в полдень, разлитый до края,
тревожно и звонко о прожитых днях
цикады тоскуют, рыдая;**

**где гибкую вечность лещина свила
на дне оборвавшихся криков,
и ящериц синих прилипли тела
меж солнечно-облачных бликов;**

**где время уснуло, сползая в песок,
исчезло, пронзённое зноем;
там желтый кружится, летит мотылёк
над мерно звенящим покоем;**

**скользит его тень по октавам камней,
висит на откосах прелюдий;
и нет её легче, и нет тяжелей
на вкрапленном в солнце этюде.**

**Стирает время лики кладбищ.
Во тьме остывших деревень,
вдали от мира и от капищ,
качает колымаги плетень;
то напряженно, то устало,
то увязая в лебедях:
в нём наше прошлое застряло
бессрочно, верное себе;
и не живя, не умирая,
рефреном брошенным скрипит,
забытый край оберегая
от обступающих обид.**

Михаил Кузин

Родился 1 августа 1963 года. Закончил филологический факультет Омского государственного педагогического университета им. А.М. Горького. Подполковник милиции в отставке. Ветеран боевых действий в Чеченской республике. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством», медалью «За отвагу», медалью «За отличие в охране общественного порядка» и др.

Член Союза журналистов России. Десять лет являлся бессменным автором и ведущим телевизионной программы «Территория Закона» ГТРК «Иртыш». С 1994 по 2009 гг. – сотрудник Пресс-службы областного Управления внутренних дел. Лауреат третьего областного праздника прессы в номинации «Закон и правопорядок».

Стихи публиковались в газетах «Призыв», «Вечерний Омск», «Молодой сибиряк», коллективных сборниках: «Очарованный странник» (Ярославль), «Складчина», «Традиция верны», «Заря не зря, и я не зря!..». Автор поэтического сборника «Вспомни хорошее» (Омск, 1992 г.), сборника документальной прозы «Я сюда ещё вернусь...» (Омск, 2011). Участник первого Всероссийского совещания молодых писателей в городе Ярославле (1996 г.).

**А ветер северный крепчал,
И лодку углую качал,
Кричали чайки:
«Будет буря!»
Седую голову понуря,
Дрожал гребец – его весло,
Волной шинящей унесло.
Бледнел гребец,
Творил молитву.
А ветер резал острой бритвой,
Остатки паруса его.
И рядом выл
Избитых скал
Щербатый пенистый оскал...
Я рисовал. Я был молитвой,
Веслом, гребцом и ветра бритвой.
Ревела буря на бумаге,
И здесь на тихом берегу
Я вдруг заметил, что бедняге
Уже ничем не помогу.
Я скомкал лист и вытер кисти.
Мне вдруг открылась тайна истин:
Как трудно всё же быть творцом –
Всему началом и концом.
А ветер северный крепчал.
Гребец проклятый прокричал.**

Игорь Егоров

Родился в Омске. Окончил Омский политехнический институт, Международную академию менеджмента. В настоящее время – Главный редактор альманаха «Тарские ворота» и приложения «ИртышЪ-Омь». Печатался в региональных и центральных газетах, журналах «Арион», «Капля», «Омская Муза», «Виктория», альманахах «Складчина», «Голоса Сибири», коллективных сборниках, антологиях произведений омских писателей «Сегодня и вчера». Произведения Игоря Егорова включены в хрестоматию для начальной школы по литературному краеведению «Зарничка» (Омск, 2006). Автор пятнадцати книг. Дипломант областного литературного конкурса «Лучший рассказ XXI века». Занимается переводами с английского языка. Член Союза российских писателей.

Бумажные аппликации

Сор, бумажная труха:
Вырезаем петуха!
Получился молодец
Наш хохлатый удалец!
Мы сейчас его наклеим,
Чтобы не был ротозеем
И весёлые лучи
Прославлял бы с каланчи!..

Паучок

Ну и хитрый паучок —
Ловит он не на крючок!
Не поймал бы без крючка,
Если б жил без гамачка.

Похолодало

Как у нашей у кадушки
В лужах прыгали лягушки!
А теперь — ни прыг, ни скок,
Что ни лужа — то каток!
Хорошо ледок застыл,
А лягушек след простыл!..

Солнышко

Там, где тучки серый бок,
Распустился вдруг цветок
И расправил лепестки
От холма и до реки!..

Николай Башкатов

Родился в 1946 году в дер. Салтаим Крутинского района Омской области. Окончил СИБАДИ. Работал на Севере, на Омском нефтекомбинате, был мастером и преподавателем профтехучилища, с 1987г. — инженер-конструктор. Печатается с 1988г. Автор десяти стихотворных и прозаических книг для детей, среди них: «Вечная карусель» (1997г.), «Ключ от счастья» (1998г.), «Весёлые загадки для умственной зарядки...» (1999г.), «Длинное замыкание» (2001г.), «Пунктиры детства» (2005г.), «Великая тайна» (2006г.). Член Союза российских писателей.

В ЛЕСУ

Не кусается мороз,
Тихо катят лыжи,
Лис мелькнул среди берёз,
Словно солнце — рыжий.
Воробей с куста вспорхнул
Взбалмошный и хлесткий,
Иней с веточек стряхнул:
Заиграли блёстки.
Снег пошёл сплошной стеной,
Сочный, яркий, крупный.
Лес мне кажется зимой
Праздничным и хрупким.

АВГУСТ

По травмам солнца блики
Скользят, как по усам,
И брошки костяники
Алеют по лесам.

ОСЕНЬ

Листья, травы и цветы,
Словно солнышко желты.
Отчего такими стали?
Много солнышка впитали.

ЗАМАРАЙ

Там, где колкою крапивой
Перепополнился сарай,
Проживает неучливый
И хитрющий Замарай.
Мажет лица, платья, чёлки,
Руки, ноги — вот беда,
И мальчишки и девчонки
От него ревут всегда.
Он особо обожает
Тех, кто в новое одет,
Даже взрослых обижает
Уже много тысяч лет.
Он коварен, неопрятен,
И нахален, как никто:
Посмотрите, сколько пятен
Посадил мне на пальто!

©Перевод Евгений Фельдмана

Роберт Льюис Стивенсон
(1850-1895)

ГОРОДОК ИЗ КУБИКОВ

Кубик на кубик, — а что же потом?
Выстрою крепость и выстрою дом.
Дождь на дворе и весь город промок.
Дома я выстрою свой городок.

Станет горою высокий диван.
Мягкий ковёр — голубой океан.
Гавань — в углу; заплывают сюда,
Вдоволь по морю поплавав, суда.

Маленькой башней дворец увенчал.
Краше дворца я ещё не встречал!
Вниз по ступенькам к причалу бегу,
Вслед кораблям я машу на бегу.

Эти уплыли, а те пристают.
Слышу, как песни матросы поют.
Вижу, король к ним пожаловал сам
И леденцы подарил храбрецам.

Всякой игре наступает конец.
Крепость я рушу, дома и дворец.
Но неужели исчез без следа
Мой городок — навсегда-навсегда?

Нет, не исчез, но остался во мне.
Вижу его наяву и во сне.
Где бы я ни был, — он в сердце моём,
Мой городок на ковре голубом!

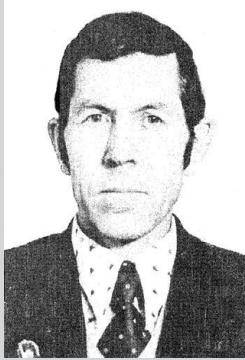
МОЯ ТЕНЬ

Бежит за мной — то тут, то там, —
повсюду маленькая тень,
И ей за мною по пятам
повсюду следовать не лень.
Она похожа на меня,
совсем как братик мой родной.
С разбега прыгаю в кровать,
а тень — ага! — передо мной.

Я удивляюсь каждый день
тому, как тень моя растёт.
Я очень медленно расту —
чуть-чуть — вот столько — каждый год.
А тень-то мигом подрастёт,
высокой станет, как сосна,
То станет маленькой совсем —
почти невидимой — она.

Не может маленькая тень
играть, как наша ребятня:
Ей нравится на все лады
лишь передразнивать меня.
Она трусиха, тень моя,
трусиха, честно вам скажу,
И льнёт ко мне, идёт за мной,
как я за няней не хожу.

Проснувшись утром как-то раз,
я тут же встал, протёр глаза.
Ещё и солнце не взошло,
сверкала в лютиках роса.
А тень-ленивица постель
никак покинуть не могла,
И не хотела выйти в сад —
и всё спала, спала, спала...

Евгений Бедненко

Родился в 1932 году в Омской области. Окончил военно-морское училище (Баку), сельскохозяйственный институт (Омск). Работал по специальности геодезия в Омске и республике Мозамбик (Африка). В свободное от работы время ставил спектакли в ДК «Нефтяник» (Омск), в ДК «Строитель». Несколько сезонов играл в профессиональном театре-студии Л. Ермолаевой. Издал книгу стихов «Всякая всячина» 2008г. (Омск)

Не сжигайте мосты!

Мы сжигаем мосты. И злорадно молчим наблюдая,
Как они исчезают в жестоком огне и дыму.
Мы сжигаем мосты, иногда даже толком не зная,
Для чего это нужно и нужно ли это кому.

Мы сжигаем мосты. Так со многими может случиться,
И ей-богу не надо большого труда,
Чтобы в страстном пылу добела раскалённых амбиций
Чиркнуть спичкою «нет» о пустой коробок «никогда».

И других мы безжалостно судим, как боги,
И диктуем крутые законы войны,
Забывая о том, что к мостам протянулись дороги,
Лишь не только с одной, но и та кже с другой стороны.

Только позже, потом,
устыдясь вновь открытых Америк
И вполне усмирив свой пустой и неправедный пыл,
Мы рванёмся к реке...Только некогда ласковый берег
Встретит нас пустотой обгоревших и страшных перил.

Мы совсем уж не те и готовы к грехов искупленью,
Но паром не придёт, хоть зови ты его, не зови.
Не сжигайте мостов.

В них не только пути к отступленью.
Но и тропы к порогу согласия, добра и любви.

Пародия

Вячеслав Омский

Барыбов Вячеслав Васильевич, родился в 1942 году. Образование высшее медицинское и высшее юридическое. Учился в Омске, Тбилиси, Ленинграде, Москве. Печатался в журналах: «Острова» (Нью-Йорк), «Бег» (Санкт-Петербург), «Интеллигент» (Москва), «Литературный меридиан» (Арсеньев), «Виктория» (Омск), «Я такая» (Омск), в альманахах: «Витражи» (Мельбурн), «Праздничная Пирамид» (Прага), «Саксагань» (Кривой Рог), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Росток» (Красноярск), «Чаша» (Омск), «Точка зрения» (Омск), «Иртышъ — Омь» (Омск), «Тарские ворота» (Омск), в многочисленных газетных изданиях. Автор трёх книг: «Из века в век» (2007г.), «Поэт» (2008 г.), «Капли» (2010 г.).

Заместитель главного редактора медийной группы «Интеллигент» (Москва, Санкт-Петербург, Нью-Йорк), соредатор альманаха «Чаша» (Омск), член редакционного совета альманаха «Тарские ворота» (Омск).

Имеет правительственные награды. Кавалер ордена «Трудовая доблесть России» (2012 г.)

ЭПИГРАФ

Как листья жёлтые,
летят мгновенья наши,
Мы — дети радости,
сомнений и грехов.
Все звёзды черпаем мы
из небесной чаши
И вяжем нити наших
будущих стихов...

* * *

«...А по крыше магазина
важно каркали гуляли...»

Александр Левин

БАЛДЁЖЬ

Под моим окном сидели
две весёлые свистели.

Рядом каркали гуляли
и свистелей забавляли.

Воркуты там тоже были,
те, что “травочку” любили.
Торжествуя в канители,
все кричали и балдели...

* * *

«...я люблю кого не зная.»

Владимир Казаков

Ночь плыла, купались звёзды
И к любви звала сирень.
Колотились «мысли-гвозди»,
«Тук» да «тук» —
всю ночь не лень...

И, законы попирая,
Голова моя «сорви».

Я живу, любви не зная,
Сочиняю о любви!

* * *

«Лошадь брошенная пасётся
У моста, у истоков Нерли.
В сумерках скрыты болотца
В голубых отвалах земли...»

Владимир Аристов

САМ НЕ СВОЙ

Сам не свой,
перепуталось что-то,
Словно прихоть
растёт из болота.
Лошадиной тоской я тоскую
И сижу, по-сиротски,
рифмую...

Омск

Чапа

По обеим сторонам дверей цокольного этажа омского Дома Союзов стояли когда-то парные чугунные скульптуры – то ли собаки, то ли львы. Они как будто охраняли вход в служебные кабинеты областного краеведческого музея.

В конце 19 века эти скульптуры передали музею Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества российский консулат, располагавшийся в одной из провинций Китая.

В буддизме львы почитались как защитники истины, изгонявшие зло. Их почитали, как стражей, охранников. В России эту роль традиционно выполняли собаки. Может быть, именно поэтому холодные металлические изваяния музейщики тоже называли не львами, а именно «собаками», дословно переводя с китайского их название «ши-дза» – «собака-учитель»? Правая лапа «женской» фигуры лежала на спинке детёныша. «Мужская» особь прижимала лапой жемчужину. В мифологии это обозначало, что самец льва играл с огнем, метал молнии, демонстрировал силу...

Металлические морды были сильно изувечены – из них как будто чудовищной силой вырвали большие куски, отчего пасти «собак» казались огромными, как у сказочных хищников. Их корёжили, но они по-прежнему оставались грозными и могучими...

Каждый входящий-выходящий в здание невольно косил взгляд в образовавшееся зияние. Кому-то казалось, что пасти угрожающе раззявлены и готовы проглотить его целиком. Наиболее дерзкие бросали в чёрные зевы окурки, спички или пачку от сигарет. Впрочем, бросали и равнодушные, примелькавшиеся и пообвыкшие. Разница в жесте – в одном был вызов, в другом в лучшем случае равнодушие, а в худшем – эдакое хозяйское барство, что хочу, мол, то и делаю. Дворник, чертыхаясь и поминая по материнской линии вплоть до седьмого колена родственников бросавших, раз в неделю запускал в утробу «собак» половину своего туловища и выгребал накопившийся мусор.

Впрочем, музейные дамы в начале рабочего дня смотрели исключительно под ноги. Они проскальзывали в помещение, словно не замечая присутствия молчаливых стражей. Зато днём, во время краткого перекура на «свежем воздухе», неоднократно и с видимым удовольствием роняли окурки в разверстую пустоту, небрежно притушив их о край затёртого до белого блеска металла.

Зато дворнягу с чёрной лоснящейся шерстью миновать, не заметив её, и оставаясь не замеченными, входящие в служебные помещения музея никак не могли. Во-первых, потому, что Чапа встречала каждого из них, выражая восторг всем своим видом. Она заглядывала в лицо, усиленно виляла хвостом и перебирала лапами, примеряясь, как получить возложить их на грудь человеку, чтобы поздороваться. Особенно страдали женщины, у которых Чапа миглом слизывала какую-нибудь важную частицу утреннего макияжа.

Чапа ощущала себя всеобщей любимцей и не ждала, а требовала внимания. И её восторг обычно оказывался вознаграждён. Кто-то приносил ей косточки от вчерашнего ужина, кто-то отламывал кусочек от только что купленного свежего батона. Кто-то делился принесенным обедом, особенно если Чапа, унюхав соблазнительный запах колбаски или окорока, начинала толкать мокрым носом сумку, в которой лежало близкое угощение.

* * *

В мой первый рабочий день Чапа встретила меня недружелюбно. Утром пси-на продолжала служить сторожем. Свои пришли ещё не все, поэтому о появлении незнакомца Чапа сообщила грозным лаем. Она рычала, обнажая клыки. Мне показалось, что она даже несколько раз мотнула головой, что обозначало отказ пропустить и требование немедленно убратсья восвояси.

Кто-то вышел посмотреть, на кого это Чапа так яростно ополчилась. Собака отбежала в сторону, и стала лаять уже иначе, с виноватым подвизгом. Она как бы докладывала о проделанной работе и призывала наказать нарушителя по всей строгости. Когда

меня пригласили зайти внутрь, Чапа тут же потеряла ко мне интерес. Отвернувшись в сторону ворот. Напрягла спину, подняла голову. Уши, словно локаторы, направились за ограду. Мимо медленно проезжала машина, и Чапа сосредоточенно пыталась уловить, нет ли в её передвижении чего-либо враждебного и опасного.

Как выяснилось, моё рабочее место располагалось около окна. Оно выходило прямо на вход, так, что виден был хвост одной из металлических «собак». Оторвавшись от бумаг, я время от времени взглядывая в окно, наблюдал всеобщую любимицу за её «работой». Где-то к полудню Чапа куда-то исчезала и являлась к пяти-половине шестого, когда музейный народ уже начинал посматривать на часы в ожидании завершения рабочего дня. Приходил сторож, и, едва последний сотрудник покидал помещение, Чапа впервые за день осмеливалась войти в здание. Как будто собаченция служила вторым сторожем и заступала на пост. Она подходила к служебным кабинетам, не заходя ни в один из них, и, заглядывая внутрь, то и дело настороженно поворачивала мордочку в сторону директорского. Если дверь в него была открыта, тут же, поджав хвост под самое брюхо, выскакивала на улицу.

Директора Чапа побаивалась. Хотя добродушный Валерий Петрович никогда её не прогонял. Мог даже благожелательно ухватить за шкуру, как какую-нибудь кошку и на вытянутой руке трясти перед собой, приговаривая щедрые умильности. Такое обращение Чапе не нравилось. Возразить она не могла, поскольку сразу признала в директоре главного хозяина, но и на поводу у него идти не хотела. Если же шефа не оказывалось на месте, Чапа оставалась на ночное дежурство вместе со сторожем.

* * *

Однажды и я решил стать для Чапы своим. С вечера собрал в полиэтиленовый пакет кости, извлечённые из борща, и положил их в холодильник. В приподнятом настроении, слегка волнуясь, шёл на работу. Чапа, как всегда, несла вахту. Завидев меня, она теперь уже не лаяла, но и не кидалась ко мне, как к другим. Просто стояла и смотрела, как я подхожу, а потом отбежала, уступая дорогу.

В тот день я не сразу вошёл, а, отойдя в сторону, присел на корточки, открыл пакет, высыпал гостинцы в миску и приглашающе посмотрел на Чапу. Она учуяла запах, но подходить не спешила. Посмотрела на калитку – не зашел ли кто ещё, потом повернулась в мою сторону и замерла. Может быть, я ей мешаю, и она хочет позавтракать в одиночестве? Я отправился на свой наблюдательный пункт. Чапа нервничала, разрывалась между чувством долга и желанием поддаться искушению. Наконец, подскочила к миске, наскоро обнюхав, схватила самую большую кость и стремглав бросилась в сторону соседнего здания. Там находилась бойлерная. Рядом с ней стояло чапино зимовье – небольшая конура, сооружённая музейным столяром дядей Лёней, в которой кто-то из сотрудников заботливо устроил подобие коврика, нарезав старый палас на несколько квадратов. Сделав запас, Чапа, что было сил, бросилась обратно – встречать своих хозяев.

На следующий же день Чапа заверила счастье состоявшегося знакомства с нею наложением двух грязных лап на моё новехонькое светло-серое пальто, сшитое из парадного офицерского драпа. Мне даже позволено было вдохнуть её тяжкое дыхание, пока она пыталась меня облизывать. Да и в коллективе новый уровень моих отношений с Чапой восприняли как благополучно пройденное боевое крещение.

Теперь, когда народ усаживался пить чай или выходил покурить, я вместе со всеми легко мог поддержать тему о чапином рационе, особенностях её породы и возрасте. Однажды я спросил о происхождении клыки, и мне рассказали, что Чапа была забавным и очень милым щенком. Она не ставила лапки на землю, а как бы похлопывала ими. При ходьбе раздавался «чапающие» звуки: «чап-чап, чап-чап». Так и закрепилось за ней это имя: Чапа.

Одной из тем, которую активно обсуждали в курилке, была чапина личная жизнь. Все давно обратили внимание, что никаких «кавалеров» на чапиной территории не наблюдается. Бродячих собак в то время вообще было ещё не так много, как сейчас. Их обилие, как и обилие бомжей – знаки соци-

альной болезни общества. В то, советское время, эти симптомы ещё не так бросались в глаза, и не потому, что они не проявлялись, а потому что их старались как можно тщательнее скрывать. Бродячих собак отлавливали, бомжей отправляли куда подальше от мегаполиса. Но небольшие собачьи стаи всё равно то и дело появлялись в центре города, заполняя тротуары и проезжую часть, заставляя водителей чертыхаться, а пешеходов с неудовольствием уступать им дорогу. Иногда – особенно весной, стоило пройти мимо одного из люков, закрывавших колодцы парового отопления, как на тебя с оглушительным лаем разом накидывалось несколько собак. Отскочив в сторону, человек делал вид, что наклоняется за палкой или камнем. Собаки бросались было врассыпную, но тут же останавливались и угрожающе ворча, смотрели на прохожего. На люке обычно лежала собака с набухшими сосками. Где-то поблизости, наверно, находились щенки, и стоя то ли поднималась на их защиту, то ли просто метила территорию.

Но как ни странно, посторонних псов около музея не наблюдалось. Не то, чтобы Чапа кого-то отлавливала... а, может, и отлавливала, да никто не видел, когда и как это происходило. Может быть, два безмолвных металлических «родственников» помогали Чапе?..

Музейные дамы одобряли её равнодушие к противоположному полу, посмеивались над ним, понимаяще переглядывались, видимо сочувствуя собачке. Каково же было всеобщее удивление, когда обнаружилось, что Чапа готовится стать мамой! Это событие сделало отношение к ней ещё трепетнее. Чапе доставались теперь лучшие куски, а когда всё свершилось, сотрудники музея, спасая её щенков от печальной судьбы, отвезли чапин выводок на север области, в город Тару, где и раздали их по гостеприимным хозяевам.

* * *

И вдруг случилась беда.

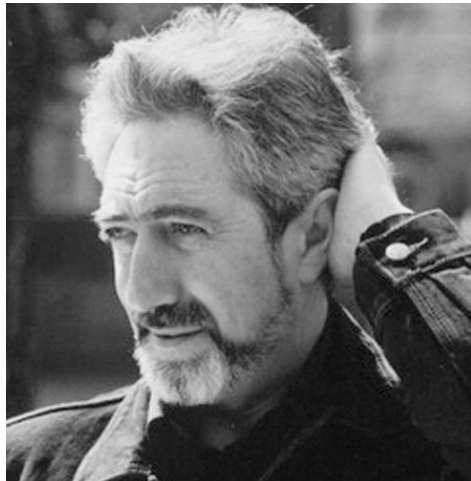
Валерия Петровича под благовидным предлогом «перевели на другую работу», то есть просто вышвырнули, а директором областного краеведческого музея назначили нового человека. Многие его хорошо знали – он служил инструктором в обкоме партии. Чем-то не угодил своему заведующему отделом и отправился «на укрепление культуры». Обоими директорами – и бывшим, и вновь назначенным – смена служебного положения переживалась болезненно. Но ни для одного из них лишение прежнего места службы не стало катастрофой. И только для Чапы это событие имело необратимое последствие.

Первый же рабочий день нового директора начался со стресса. В таких учреждениях, как музей, прежде его встречали с подобострастным волнением, вопросительно заглядывая в глаза, пытаясь понять, чем вызван визит и что за ним последует. Но то было прежде. Теперь же его встретил громкий собачий лай. Откуда было Чапе знать, что она лает на человека, от которого отныне зависит её судьба? Его запах ей до сих пор нигде не встречался: представители обкома в служебные помещения не ходили, а от парадного подъезда собака держалась подальше. Более того, она, наверно, почувствовала непонятную враждебность пришельца, потому что не просто кинулась к нему с лаем, но даже схватила зубами за штанину, когда тот попытался пройти мимо и ступить на охраняемую Чапой территорию.

К счастью, музейные дамы были начеку. Ругая себя за недостаточную предусмотрительность, они выскочили на крыльцо, отогнали Чапу и попытались вежливым участием и заинтересованностью, мягкостью и юмором снять напряжение нового начальника. Но у директора мгновенно вырос на Чапу огромный зуб. Может быть, директор и Чапа со временем привыкли бы друг к другу, но вчерашний партийный чиновник быстро понял, что точно так же общая любимица безо всякой задней мысли посмеет обляять и прихватить за брючины явившихся без предупреждения начальствующих партийных товарищей...

В один из дней, ничем не отличавшихся от других, я, как обычно, сидел за работой, заполняя акты поступлений на новые коллекции. Вдруг слышу возбуждённый голос директора: «Вот она! Заходи, заходи! Не упустит, удерёт!»

Сердце болезненно сжалось от дикого визга, в котором был смертельный страх и

отчаянная мольба о помощи. Сквозь окно уже ничего разглядеть было нельзя – обзор закрывали спины незнакомых людей. Я ринулся в коридор. Там стояли музейные дамы. Одни плакали, другие утешали друг друга или громко возмущались. Но никто ничего не предпринимал. Поперёк воли набирающего силу директора не попрёшь. С трудом протиснувшись к выходу, я увидел, как человек в армейской форме без погон на длинном шесте несёт Чапу к стоящей рядом машине. Горло собаки стягивала проволоочная петля. Тело собаки подрагивало. Чёрный глаз ещё блестел, и мне показалось, что я разглядел в нём не обиду и непонимание, не страх, а боль и чувство вины. «Видишь, брат, как вышло, – говорил, прощаясь со мной, чапин глаз. – Прости, а?» Металлические собаки безмолвно вопили, разевая разбитые пасти. Но ни защитит, ни подвинуть на подвиги никого так и не смогли.

Мало что тогда был в состоянии понять, что вздрёнули не только Чапу. Вместе с ней навсегда ушёл прежний музейный дух, эдакая семейственность, не всегда приемлемая в рабочих отношениях, но настолько прочно укоренившаяся, что справиться с ней можно было, наверно, лишь вот такими варварскими способами...

* * *

«Собаки» теперь отстранированы и стоят не на улице, а в новом здании краеведческого музея, выстроенного в бытность тогдашнего назначенца, вскоре ставшего генеральным директором музейного объединения.

Музейных служб давным-давно уже нет в цокольном этаже Дома Союзов. Да и не все, кто в тот день испытал потрясение вместе со мной, живы. Ушёл из жизни и сам генеральный. Оставил по себе добрую память. Много сделал для развития краеведения в области. И забыть давно пора о той собаченции, промолчать... С чего это я вдруг всё же решил написать о том давнем случае? Ведь действительно – пора бы забыть. Может быть, не даёт покоя чувство, что и я тоже, как и все, предал Чапу, нашего верного друга, сторожа, да просто любимицу, не спас, не отбил? А, может быть, я своим не-деланием вот так подло наказал её за то, что испугала меня, нагавкала при первой встрече?

...Недавно узнал, что существует специальная фирма по отлову бродячих собак. Есть даже какой-то план по очистке города от них. И что в ближайшее время будет произведена облава на стаю, обитающую в районе Выставочного сквера в Старой крепости. Я много лет работал в этом районе. Мне даже называли и день, и час. Утешили, что теперь это делают не средь бела дня, а самым ранним утром, когда ещё нет людей на улицах, что теперь собак ловят не таким варварским способом, как раньше, не на «удочку», а просто стреляют. Специальной ампулой. «Там же иголочка, – сказали мне, – раз, и готово».

А я вдруг подумал, что какая-то из этих обречённых собак тоже ведь лаяла на меня, как Чапа. И о ней, как и о Чапе когда-то, я тоже не раз думал в сердцах. Чертыхался, и по-детски обижался на несправедливость: «За что это на меня, такого хорошего и безвиновного, так страшно гавкают?..» И снова, изгоняя холод из груди, мучительно пытался вызвать из памяти момент, когда поселился во мне страх перед этими животными. Не случайно ведь китайцы называли их «учителями».

* * *

...Интересно, если существует переселение душ, то в кого вселилась душа нашей собаченции?

Виктор ВАЙНЕРМАН